

Кадия стоит / Cadia Stands (роман)

Перевод в процессе: 10/35

Перевод произведения не окончен. В данный момент переведены 10 частей из 35.

Кадия стоит / Cadia Stands (роман)

Автор	Джастин Хилл / Justin D. Hill
Переводчик	Летающий Свин
Издательство	Black Library
Предыдущая книга	Битва на Тайрокских полях / The Battle of Tyrok Fields (рассказ)
Следующая книга	Место боли и исцеления / The Place of Pain and Healing (рассказ)
Год издания	2017
Экспортировать	PDF , EPUB

Кадия, находящаяся в непрерывной осаде изливающихся из Ока Ужаса воинств, стоит бастионом против тирании и смерти. Её твердыни и армии веками сдерживали полчища Хаоса, но их суровая непреклонность имеет свои пределы. Когда Тринадцатый чёрный крестовый поход обрушивается на оборону Кадии, и на помощь критически важной

планете прибывают силы со всего Имперуума, ужасный, проводившийся долгое время ритуал подходит к своему завершению, и хрупкий баланс безжалостной войны смещается... Из тьмы выходит герой, который возглавляет окружённых защитников — лорд-кастелян Урсаркар Крид, — но хватит ли стальной мощи Астра Милитарум и силы Адептус Астартес, чтобы не допустить катастрофы и предотвратить падение Кадии? Покуда Крид жив, надежда ещё есть. Покуда дышит хотя бы один защитник, Кадия стоит... но рано или поздно всему приходит конец.

Содержание

Пролог

Часть первая

Глава первая

Глава вторая

Глава третья

Глава четвёртая

Часть вторая

Глава первая

Глава вторая

Глава третья

Глава четвёртая

Глава пятая

Пролог

Пограничье сегментума Обскурус

Ей четыре. Самое время учиться.

Отец поднимает её к ночному небу. На других планетах она увидела бы над собой бархатисто-чёрный свод, холодный белый свет десяти тысяч звёзд и чарующе прекрасный серп луны. Но она кадийка, поэтому небо здесь вовсе не тёмное и не усеянное светилами. Нет, в нём горит вихрящаяся, жуткая ссадина Ока Ужаса, что взирает вниз подобно глазу циклопа. И мерцают здесь не звёзды, а алмазантиевые плиты низкоорбитальных платформ, отражающие лучи солнца.

Она начинает напрягаться. Иногда глаз фиолетовый, иногда зелёный, а иногда приобретает тёмные оттенки безымянного цвета. Голос отца возвращает её обратно.

— Это — Око Ужаса. Темница нашего врага, — шепчет он. — Мы — замок, что не даёт ему вырваться наружу. Вот почему он ненавидит нас.

— Всех нас? — спрашивает она.

— Всех, — отвечает тот.

Долгое время ребёнок молча смотрит вверх.

— Даже маму?

— Да, — говорит ей отец, — даже маму.

Девочка снова молчит. В горле появляется привкус крови. Она вытирает нос, и её пальцы покрываются багрянцем. Она не может перестать смотреть на Око, хотя от его вида ей становится дурно. Девочка знает, что это испытание, которое ей нужно пройти, и она не собирается сдаваться.

— Он ненавидит *меня*? — спрашивает она, шмыгая носом.

— Да. Осквернитель ненавидит тебя.

Ещё одна пауза.

— Он хочет отнять наш мир?

Его голос раздаётся прямо возле её уха. Дыхание отца касается её кожи и спутанных кудряшек. Он передаёт ей то, что сам узнал ребёнком.

— Осквернитель хочет *сжечь* наш мир.

К горлу подкатывает тошнота. Усилием воли она проглатывает желчь и пристально смотрит в темнейшие провалы зрачка, словно пытаясь разглядеть там лицо существа, которому могла бы адресовать свои слова. Поначалу она не видит ничего, но затем — вон там! — в непроницаемо-чёрном клочке пурпурного света замечает шлейф бледных облаков.

— Что ты видишь? — резко произносит отец, но ребёнок не в силах выдать из себя ни слова. Его хватка становится крепче. — Говори, дитя. Верь! Император защищает!

Из ноздрей закапала кровь, и вместе с шоком к ней возвращается дыхание.

— Лицо! — восклицает девочка, её голос начинает ломаться от страха. Она извивается, желая, чтобы это прекратилось, но отец крепко сжимает её руки, и держит ребёнка ещё какое-то время.

— Это Осквернитель! — говорит он ей и поднимает выше. — Что ты хочешь сказать ему, тому, кто ненавидит нас всех и хочет сжечь наш мир?

Кровь из носа течёт всё сильнее, но девочка не отводит глаз. Она не сдастся.

— Никогда, — произносит она.

— Я тебя не слышу.

— Никогда! — уже громче повторяет девочка.

— Скажи ему!

— Никогда! — кричит в ночное небо ребёнок. — *Никогда!*

Отец опускает дочь на землю и прижимает к нагруднику.

— Отлично, дитя, — с облегчением говорит он. Подвергать ребёнка подобному испытанию очень непросто. Девочка возвращается в жилой блок, и он провожает её взглядом.

Он кадиец и отец. Свой долг он исполнил.

Для неё же настоящая проверка ещё впереди.

Часть первая

Призыв

Глава первая

Орбита Кадии

Планета внизу наполовину купалась в свете, и наполовину тонула во мгле.

Майор Исайя Бендикт не мог сказать, наступал ли сейчас новый день, или же наоборот, на мир опускалась ночь. Он стоял вместе с магистром войны Рюсом и членами его штаба на наблюдательной площадке «Фиделитас вектор» и вспоминал, как покинул Кадью больше двадцати лет назад.

За эти два десятилетия он сполна навидался сумеречных ледяных миров, безжизненных лун и джунглевых планет с нанобами-кровососами, падавших на тебя с древесных ветвей.

Он увидел худшее, что было в Галактике, и теперь, глядя на Кадью, вспоминал последние моменты, проведённые в родном доме.

Юный белошитник, пока не записавший на свой счёт ни одного убийства.

Отец Бендикта так и не получил возможность покинуть планету. Он оказался тем самым одним из десяти кадийских ударников, которым выпала служба в территориальной гвардии. Его задачей было базироваться на Кадии и быть готовым защитить родину. Однако война не пришла, и такая не отмеченная особыми событиями карьера обесцветила всю его оставшуюся жизнь.

Когда шестнадцатилетний Исайя Бендикт попал в число тех, кому предстояло сражаться за пределами мира, он был горд сыном, но также и завидовал ему. Вечно угрюмому отцу было сложно выражать свои чувства, поэтому он поступил так, как поступали многие отцы до него — принёс бутылку «Аркадийской гордости», которую затем вместе с Бендиктом и распил.

Он хорошо помнил ту ночь. Они сидели за круглым лагерным столом посреди тесной главной комнаты своего жилого блока. Отец отодвинул стулья и поставил между ними бутылку, а на стол — пару стопок.

Натужно выдавив улыбку, он открутил крышечку, смял её в руке и кинул через плечо в угол комнаты. Мама оставила им на столе две тарелки с вареным гроксовым мясом и капустой. Бендикт постарался как можно быстрее набить желудок, пока отец разливал напиток.

— Держи, — сказал он, протянув ему наполненный до краёв стакан.

Они чокнулись и подняли стопки над головами. Отец с сыном выпивали раз за разом, медленно, но верно осушая бутылку. Когда зазвонил колокол, оповещающий о сборе, амасека оставалось на самом дне.

— За твоё первое убийство! — пьяно пробормотал отец. Его мать — худая, усталая женщина с серьёзным выражением лица, — присоединилась к ним в последнем тосте.

Из дома они отправились в недолгий путь к сборному пункту, где по рельсовым вагонеткам уже рассаживались другие белошитники, кидая из-под касок кадийской модели напряжённые взгляды. Дальнейшая их дорога вела напрямик на посадочные поля за каср Тайроком.

Бендикт с родителями проталкивались через толпу, разыскивая нужную вагонетку. Мать с отцом сказали ему пару слов на прощание, хотя будь он проклят, если сейчас вспомнил бы их. Ему было всего шестнадцать, и он был так пьян, что едва держался на ногах. Никто не плакал. Среди кадийцев не пристало выражать свою грусть слезами, когда кто-то из них отбывал на войну. Таков был естественный ход жизни: рождение, обучение, призыв, смерть. Белошитник, отправляющийся убивать врагов Империи — разве могло быть на свете нечто более естественное?

Бендикт не раз представлял себе, как уезжает на юг, чтобы больше никогда не увидеть родной дом. Прежде чем забраться в вагонетку, он оглядел себя в последний раз, удостоверившись, не забыл ли чего.

У него были ботинки, разгрузка, куртка, пояс, боевой нож, лезвие, три батареи к ней, «Имперское руководство» в левом нагрудном кармане, фляга с водой — в правом. Юноша сделал глубокий вдох. Похоже, всё на месте. Он готов к встрече со всем, что бы ни послала против него Галактика.

— Ну так... — протянул Бендикт. Они попрощались друг с другом, после чего мама быстро обняла его и засунула в карман куртки плотный бумажный свёрток.

— Вяленый грокс, — шепнула она.

Она была жёсткой женщиной, выросшей на планете, чьи обитатели умели только воевать, и была не склонной к проявлению эмоций.

— Я хочу поблагодарить вас обоих за то, что вы дали мне жизнь. Обещаю вам, что не посрамлю чести кадийца, — произнёс Бендикт. Эту речь он подготовил уже давно, но спьяну забыл половину слов, и многое оставил недосказанным.

Затем юноша отдал честь, и, обернувшись, забрался в вагонетку. Он выглянул наружу, чтобы помахать родителям, но к тому времени уже стемнело, и они отправились домой. С тех пор Бендикт больше их не видел. На следующие двадцать лет его братьями и сёстрами стали другие гвардейцы, а отцом — сам Император.

Бендикт с трудом припоминал лицо отца, однако не забыл его последних объятий, того, как большие, широкие руки родителя сомкнулись на его спине. Голос матери также остался с ним навсегда, и каким-то образом прошептанные на ухо слова «Вяленый грокс» стали означать для него «Береги себя», и даже «Мы любим тебя, сынок».

Разглядывая вращающуюся внизу Кадию, магистр войны Рюс опустил руки на отполированный до блеска медный поручень и подался вперёд, так что его дыхание слегка затуманило ледяное стекло футовой толщины.

Он хотел увековечить этот момент подходящим, но притом поэтичным и запоминающимся изречением. Словами, достойными войти в его мемуары, когда — или, вернее, если — он выйдет в отставку. Словно почувяв, что в нём возникла потребность, личный сервитор-писец Рюса — измождённого вида существо со стилусом на месте правой руки и расположенным у пояса сувоем — проковылял вперёд, попутно сбив с ног парочку зазевавшихся подхалимов военачальника.

Писец достался ему вместе с высоким титулом, и Рюс, казалось, хотел донести до потомков каждое сказанное им слово. Однако Девкалионский крестовый поход, которым он руководил, завершился, и теперь до многих начинало доходить, что, возможно, дни Рюса в качестве магистра войны также были сочтены.

Возможно, размышляли они, звезда Рюса заходила за горизонт, и им пришла пора искать кого-то нового, кто подавал большие надежды.

Рюс откашлялся, прочищая горло, а затем его мощный басовый баритон громыхнул на всю комнату:

— Мы вернулись к матери в час её величайшей нужды.

Сказать можно было ещё много всего, и Бендикт подумал, что магистр мог бы придумать речь и получше, но тот решил закончить её эффектной фразой, подобно расчувствовавшемуся имперскому проповеднику.

— Никто не скажет, что мы забыли о своём долге, как и о том, откуда мы родом.

Его реплика сопровождалась скрежетом стилуса по пергаменту, оставлявшего после себя аккуратные строчки, которые складывались в тщательно выверенные колонки текста. Рюс замолчал, словно чтобы сервитор мог за ним поспеть, и Бендикт невольно заглянул ему через плечо, сверяя запись со словами, что всё ещё звенели у него в ушах.

Бендикт отвёл глаза. Магистр войны обернулся, и, решив, будто он не проявляет должного внимания, спросил:

— А что думаете вы, майор Бендикт?

— Она... она выглядит вполне мирной, — запинаясь, отозвался тот.

Рюс снисходительно улыбнулся.

— Да. Кадия позвала, и мы вернулись. Её нужды не были забыты. — Моторчики в бионической руке магистра тихо взвыли, и он похлопал Бендикта по спине. Вне всяких сомнений, жест задумывался им как тёплый и дружеский, однако от тяжёлого прикосновения металлических пальцев майору стало не по себе.

— Когда начнётся высадка? — спросил Рюс у худосочного бледного офицера с гривой седых волос.

Офицер щёлкнул каблуками.

— Губернатор Порелска прислал за вами личную баржу, магистр войны. «Сакраментум» грузят на неё прямо сейчас. Как только его завезут, я дам вам знать, сэр. По мнению капитана судна, на это уйдёт несколько часов.

«Сакраментумом» именовался личный «Левиафан» Рюса — украшенное медными вставками чудо

военной инженерии, в своё время возглавившее как минимум два штурма мира-улья Оуэн.

— Хорошо, — произнёс Рюс. — Хорошо.

Он был из тех людей, которые любили заполнять тишину собственным голосом. В этот момент один из адъютантов коснулся рукава магистра. На обзорную палубу прибыли командиры мордианского батальона. Они стояли навтыяжку плотной обособленной группой, дожидаясь, пока их не представят.

— Ах! — воскликнул Рюс так, словно короткий разговор с мордианцами сейчас был именно тем, чего он хотел на свете больше всего, и кивнул остальным собравшимся. — Прошу прощения, джентльмены.

Свита Рюса разошлась, пока не остался лишь один человек, продолжавший смотреть на Кадию.

Бендикт заметил его краем глаза. Судя по эполетам, он был генералом первого ранга, но притом он носил полевую одежду, а не парадную форму, и держался обеими руками за латунный поручень так крепко, что у него аж побелели костяшки.

Его ботинки никто не чистил с самой посадки. Полы его шинели покрывали брызги болота, помимо прочего буревшего пятнами ещё и на коленях. А эта деталь была весьма примечательной: генералы нечасто опускались на колени, а в грязь так и подавно.

Любопытство Бендикта взяло верх.

— Простите, сэ, — спросил он. — А вы не генерал Крид?

Мужчина повернулся к нему. Он имел широкие плечи, бычью шею и коротко подстриженные волосы. Взгляд его был тяжёлым и, казалось, проникал в самое нутро. Бендикт покраснел.

— Прошу прощения. Я хотел сказать, вы *тот самый* генерал Крид?

— Насколько я помню, генералов Кридов есть четыре, — в глазах мужчины вспыхнула лукавая искорка.

— Генерал Урсаркар Крид?

— Да. Я один из тех двух, кого зовут Урсаркаром Кридом. Второй, приятный старичок трёхсот двадцати лет, вышел в отставку и проживает сейчас в тренировочном мире Катак. Я провёл с ним там шесть месяцев, работая с катачанцами. Классные ребята. Генерал Урсаркар Крид имел отличную коллекцию амасека, чего не могу сказать о его сигарах. Слишком утончённые, как на мой вкус. Я вот люблю покрепче.

Уголки губ Крида едва заметно приподнялись.

— Он был первым, поэтому честь называться просто генералом Урсаркаром Кридом досталась ему. Так как я второй, то зовут меня, соответственно, Урсаркар *И.* Крид. — С этими словами он протянул руку, и Бендикт стиснул её в крепком рукопожатии.

— Для меня настоящая честь встретиться с вами, — произнёс он.

Его слова, казалось, развеселили Крида.

— Так уж и настоящая?

— Да, — сказал Бендикт. — Мы ведь из одного призыва.

— В самом деле?

— Да. Я думал, будто сделал хорошую карьеру, пока не услышал, что вы стали генералом. Первым в нашем призыве.

Выбиться в генералы к сорока терранским годам считалось чем-то практически невыполнимым.

Справившись со своей завистью, он принялся изучать биографию Крида и его тактику, а когда они оказывались в одной зоне боевых действий, майор пристально следил за карьерой военачальника через мемо и полковые сводки.

— Что вы чувствуете? Вы ведь предсказывали этот отзыв ещё два года назад, — произнёс Бендикт.

Сказанное Крида впечатлило, но довольным тем, что он оказался прав, генерал не выглядел.

— Предсказывал. Вы правы. И было бы лучше, если отзыв начался двумя годами раньше.

— И за ваше беспокойство вас понизили в звании.

— Всего лишь незаконченное расследование. Рюс — хотя, как же, магистр войны Рюс, — заступился за меня.

— Потому, что вы спасли ситуацию на Релионе IV?

Крид рассмеялся. Из его рта слегка повеяло амасеком. Помимо прочего генерал славился немалой любовью приложиться к бутылке.

— Это, наверное, половина причины. А вторая часть — Рюс не дурак.

На мгновение между ними повисла пауза, пока Крид осматривал униформу и полковую эмблему Бендикта.

— Вы, должно быть, майор Исайя Бендикт из 101-го Кадийского. Дважды заслужившего награду воинского подразделения за доблесть. Ваш танковый полк — один из самых титулованных на Кадии. А что касается вас, ваш экипаж имеет шесть Стальных крестов, четыре Стальные аквилы, а ещё орден Орлиного когтя.

Щёки Бендикта залились румянцем, и он потерялся со словами.

— Ну, да, сэр. Мой полк гордится своей службой Золотому Трону.

Запах амасека стал крепче, когда Крид подался ближе и заговорил с Бендиктом тихим заговорщическим тоном.

— Ты когда-то думал, что вернёшься на Кадью живым?

Майор знал статистику не хуже любого другого: планету покидала половина боеспособных кадийцев, чтобы сражаться по всему Империи Человека, однако назад возвращался едва ли не один из тысячи. Он ответил без лишних раздумий.

— Никогда. А вы?

Крид поджал губы, и его костяшки побелели снова. На Кадью опускалась ночь, и в тёмном небе всё сильнее разгоралось Око Ужаса. После минутного молчания генерал, наконец, улыбнулся.

— О, я всегда знал, что вернусь.

На это Бендикт не знал, что ответить. Он посмотрел на их родной мир, иссиня серый в рассеянном свете солнца.

— Вы действительно думаете, что Кадия в опасности?

— Крайней опасности. — Ноздри Крида раздулись. — Весь сектор уже несколько лет как под ударом. Чума. Предательство. Ересь. Мы видим перед собой все эти неприступные парапеты, но на самом деле Кадия похожа на каср, под стены которого уже проведены подкопы.

И вновь Бендикт не нашёл с ответом. Оба кадийца посмотрели на раскинувшийся над головами купол. В темноте космоса они разглядели башенные огни орбитальных средств обороны, дрейфующие орудийные установки, а также яркие сполохи двигателей патрулирующих фрегатов и тупоносых защитных мониторов.

— Вы правда так считаете?

— Я это знаю. — Крид невесело улыбнулся и метнул взгляд в другой конец комнаты, где Рюс с раздражённым видом пытался объяснить шутку командиру мордианцев. — Наши враги планировали это тысячу лет. Может и больше. А мы стали благодущными. Взгляни. Рюс больше заинтересован в расшаркивании перед этими жуткими мордианцами, чем в подготовке к войне. В верховном командовании Кадии полно таких людей, как он. Они понятия не имеют, насколько реальна угроза. Полагаю, о ней едва подозревают даже верховные лорды Терры. Врата Кадии в огромной опасности, и только мы — честные люди вроде меня с тобой — должны не дать им пасть. Кадия не может пасть. И она *не падёт*.

И вновь между ними воцарилось молчание.

Майору польстило слово «мы», однако зловещее предупреждение потрясло его до глубины души.

— Что мы можем сделать?

— Мы будем сажаться как дьяволы, — заявил Крид. — И мы должны быть коварнее, чем наши недруги.

Бендикт улыбнулся.

— Такое разве возможно?

— Жизнь в Гвардии научила меня трём вещам, — сказал генерал. — Выносливости, твёрдости и пониманию того, что с верой, отвагой и хорошим руководством нет ничего невозможного.

— Надеюсь, вы правы.

Крид одарил его долгим взглядом, после чего вновь подался ближе.

— Когда я был молод, мой сержант-наставник любил повторять одну поговорку.

— Какую?

— Надежда, — сказал он, — это первый шаг на пути к разочарованию.

Глава вторая

«Фиделитас вектор»

Вспомогательные погрузочные ангары

Тайрокские поля

Никто уже не припоминал, когда нечто подобное случилось в последний раз.

Круглый год громадные, продуваемые насквозь безликие помещения пунктов сбора заполнялись кадийской десятиной — юными белошитниками, которых затем сгоняли на палубы-каверны войсковых транспортников и посылали напрямик на войны, что вёл Империиум Человека.

На Кадии ритм рождения, обучения, призыва, распределения, погрузки и отбытия был таким всеохватывающим и неизменным, как чередование лета с зимой, как восход солнца и наступление ночи.

Теперь же естественный ход жизни обратился вспять. Войсковые транспорты садились полностью загруженные, а не пустые, как прежде. Призывники, собиравшиеся годами, прибывали в течение месяцев. Миллионы солдат-ветеранов. Это было чересчур даже для эффективных кадийских администраторов. Длинные очереди кораблей терпеливо дрейфовали на орбите, и даже личный перевозчик магистра Рюса, «Фиделитас вектор», прождал пять дней, прежде чем ему выделили посадочное место.

— Комендант погрузки шлёт свои извинения, — произнёс адъютант Рюса, пока тот осматривал свой скромный завтрак из кружки рекафа, поджаренного хлеба и пары только-только сваренных яиц-пашот. Магистр войны взял серебряный нож и вилку и принялся есть. Бесмысленные ожидания распяляли в нём аппетит.

Пятидневную задержку магистр войны коротал за едой. Бендикт принимал все приглашения на устраиваемые Рюсом банкеты. Он провёл достаточно времени, питаясь обычными солдатскими пайками, и просто не мог упустить шанс отведать пищи, которая подавалась на стол главнокомандующему.

Исайя надеялся встретиться с Урсаркаром И. Кридом ещё раз, но генерал больше не появлялся, и всякий раз майор возвращался после ужина на свою палубу в удручённом настроении.

В последний вечер майор сидел за столом, общаясь с парой ветеранов. Первый, тот что справа, по имени Линч, заявлял, что руководил кампанией по искоренению ксенорасы под названием бринарр.

— Бойцы из них были так себе, — говорил он, пока сервитор подливал ему тёмно-красного вина. Он сделал глоток, после чего опустил гранёный хрустальный бокал на стол. — И они питали особую любовь к своим куколкам. Поэтому их было очень легко загнать в ловушку и убить. У них напрочь отсутствовал инстинкт выживания.

Бендикт учтиво кивал, не переставая обшаривать комнату взглядом в поисках характерного силуэта Крида.

— Вас зовут Бендикт? — спросил мужчина слева, прочитав табличку рассадки с его именем. — Вы из каср тайрокских Бендиктов?

Этот вопрос ему часто задавали кадийцы аристократического происхождения.

— Нет, — ответил майор. — Я родился в суб-блоке каср Халига.

— Суб-блоке? — удивлённо протянул мужчина.

— Да.

— А теперь вы майор?

Исайя решил не отвечать на этот вопрос. Его эполеты говорили сами за себя. Генерал, которого, судя по табличке рассадки, звали Грубер, отпил вина.

— Сколько вам лет, майор?

— Сорок. Терранских, — произнёс он.

— Как и генералу Криду?

— Какому именно генералу Криду?

Грубер удивлённо фыркнул, с сосредоточенным видом разрезая копчёную рыбу.

— Урсаркару Криду.

— Я думал, есть два Урсаркара Крида. — Бендикт пригубил из бокала.

Генерал посмотрел на него, пытаясь взять в толк, не издевается ли над ним майор.

— Урсаркар *И.* Крид, — уточнил он.

Бендикт сделал ещё глоток.

— А! Верно, столько же.

— И что скажете?

— Очень впечатлён.

— Правда? — произнёс Грубер, и также отхлебнул вина. — А мне он кажется слегка переоценённым.

Крид не объявился и в тот вечер. Бендикт извинился перед генералами Грубером и Линчем, и ушёл одним из первых.

Весь следующий день он провёл в ожидании выгрузки в жилом ангаре 07-85, режась в Чёрную пятерню с парочкой капитанов из Боевых Шакалов, или, иначе, 883-го Кадийского стрелкового полка.

Боевые Шакалы разжирили и утратили всякую сноровку за время, проведённое в гарнизоне колонизированного мира под названием Андромеда. Сам Бендикт в принципе не любил надолго покидать передовую. Сидение в тылу расслабляло людей, и по личному опыту он знал, что у солдат начинали появляться разные иллюзии о жизни, которая им никогда не будет светить.

Сейчас майор считал своим долгом избавить их от наличности. Пытаясь отвлечь внимание капитанов, он расспрашивал их об Андромеде, но чем больше денег они спускали, тем тусклее становились их истории.

— Что ж, — сказал один из них, наблюдая за тем, как Бендикт тасует карты. — До нас там базировался полк катачанцев. Всё ещё заканчивали там свои дела.

Спустя час они окончательно скисли.

— Ещё партию? — предложил майор.

Капитаны покачали головами. Бендикт вывалил монеты на стол и принялся подсчитывать выигрыш. Недурно, решил он. Этого должно хватить на пару дней в барах каср Тайрока. Или на одну запоминающуюся ночь, если больше времени у него не будет.

Бендикт сгрёб монеты в карман, быстро поднялся и протянул руку.

— Удачи.

На следующее утро пронзительно завывли сирены, и, один за другим, на потолке длинного ангара с мерцанием зажглись три ряда люмен-полос.

— Выдвигаемся, — сказал сержант Тайсон.

— Самое время, — согласился Бендикт, рывком вставая с кровати. На полмили перед ним остальные солдаты поднимались со своих коек и паковали в рюкзаки последние вещи.

Тайсон опустил пустую бутылку «Аркадийской гордости» в мусорную корзину.

— Хорошо провели последнюю ночь, сэр?

В памяти всплыли воспоминания о вечеринке. Бендикт кивнул.

— Недурно, — отозвался он, после чего откинул одеяло и потянулся за формой. Бронежилет лежал в самом низу, а на нём — аккуратно сложенная грязно-коричневая куртка кадийского фасона. Даже пьяный в стельку, он оставался кадийцем.

— Похоже, наши приказы изменились. — Тайсон передал ему листок с последним распоряжением, но Бендикта его содержимое совершенно не заинтересовало.

— Там говорится, куда нас отправляют?

Сержант покачал головой.

За время путешествия их приказы менялись уже шесть раз. Они будут гарнизоном на орбитальной оборонительной платформе. Они войдут в мобильный резерв. Они станут авангардом мощной бронетанковой колонны и отправятся на внешнюю планету Каср Холн в качестве первой линии обороны. Бендикт вздохнул. Типичная военная неразбериха.

— Постарайся найти кого-то, кто знает.

— Да, сэр, — кивнул Тайсон.

Бендикт был уже на ногах и полностью одет, когда его флаг-сержант, Даал, подошёл к нему, печатая шаг, и отдал честь.

— Всё упаковано и готово? — спросил майор.

Даал ухмыльнулся.

— Сэр, всё было подготовлено ещё в начале отзыва.

Так оно и было. Как только они узнали, что возвращаются на Кадию, бойцы 101-го вплотную занялись своей униформой и снаряжением, полируя, ремонтируя, штопая, прилаживая, остря, начищая каждую пуговицу, кармашек на разгрузке, лезвие, застёжку и предмет, что у них имелся. Меньшего он не ожидал. Они были прорывным подразделением. Элитой элиты. Иногда им даже не нужно было отдавать приказы. Они походили на острый нож. Всё, что им требовалось — это повернуть в нужном направлении и слегка надавить. Остальное они сделают сами.

— Хорошо, — произнёс Бендикт.

Даал был так возбуждён, что едва держал себя в руках. Спустя пару минут, когда они стояли над котелком с рекафом, флаг-сержант сказал:

— Устроил небольшую взбучку второму взводу.

Бендикт кивнул, но промолчал. Голова болела уже меньше.

— Прошлой ночью они неплохо развлеклись.

— Я тоже, — отозвался Бендикт, отхлебнув едва тёплый рекаф. Они провели в пути столько времени, что переработанная вода начала отдавать машинным маслом и стерилизаторами, чего не мог скрыть даже такой крепкий рекаф. Майор отставил кружку. Его уже тошнило от одного его вида.

— Когда наше окно?

— В девять ноль-ноль по корабельному времени, — ответил Даал.

— Корабельное время синхронизировано?

— Нет. Мы на шесть часов и пятьдесят три минуты впереди планетарного. Капитан приносит свои извинения. Переход от точки Мандевилля был очень спешным... Они не успели, одним словом.

Исайя кивнул и взглянул на пустую бутылку в корзине. В следующий раз он будет пить уже в барах каср Тайрока. Поскорее бы.

Зазвенел сигнал к выгрузке, и на трюмных палубах «Фиделитас вектор» с мерцанием вспыхнули огни, озарив тысячи запаркованных ожидающих танков и вспомогательных машин. На время путешествия их духи были погружены в спячку, и пока длинные шеренги гвардейцев медленно маршировали в направлении войскового распределителя Альфа-4, технику доставляли прямым ходом в челноки и переправляли на планету.

Необъятные палубы «Фиделитас вектор» наполнились шумом и выхлопными газами; «Леманы Руссы» заезжали задом по трапам челноков, за ними с натужным рёвом следовали большие гусеничные транспортёры, доверху заполненные огромными, с человека, снарядами к «Гибельным клинкам», бронебойными боеприпасами и массивными ракетами к осадным пушкам «Гибельных молотов», предназначенными для разрушения зданий.

Рюс первым покинул корабль на борту личной губернаторской баржи, забрав с собою свой штаб, а также «Сакраментум».

— Как крысы, — заметил Тайсон, провожая взглядом уменьшающуюся вдали баржу.

Честь первым последовать за магистром войны досталась 774-му Кадийскому, Убийцам Титанов, имевшему в составе целых три древних «Теневых меча». Далее отправился 993-й/57-й Кадийский, Синефуражечники, численностью в тысячу десять отборных ветеранов, которые три последних года дрались с зеленокожими в джунглевых мирах Семиона Прайм.

Полк Бендикта, 101-й Кадийский, по расписанию должен был сесть в десантный корабль поздним утром, однако их назначенный час давно прошёл, а они до сих пор ждали на борту «Фиделитас вектор». Бойцы стояли на широком трапе, медленно, но уверенно продвигаясь вниз к посадочным палубам.

Майор сверился с хронометром. Ему и прежде доводилось стоять в подобных очередях, когда администратумцы лажали по полной, и даже проводить в коридорах по нескольку дней, дожидаясь своего окна.

— Скучаете по Кадии? — спросил Тайсон.

— Думаю, мне не хватало баров каср Тайрока. Но по дому... Если честно, то нет, я бы не сказал.

От такого ответа его адъютант явственно сник.

Бендикт вздохнул.

— Как только мы спустимся, мне точно станет лучше.

— Уверен, так и будет, сэр.

Исайя кивнул.

— Если только ожидание меня не доконает.

— Я принесу вам ещё рекафа, сэр.

— Да, будь добр. И покрепче.

Бендикт всё ещё ждал свой рекаф, когда очередь впереди него, наконец, зашевелилась, и солдаты поднялись с пола и начали идти. У них ушло два часа на то, чтобы спуститься по длинным широким трапам, по-прежнему задымленным прометиевыми газами, в распределительный пункт.

Ещё три часа потребовалось для того, чтобы их челнок, трёхъярусный паром, наполнился гвардейцами, танками, орудиями и оборудованием, после чего с глухим металлическим лязгом пустотные отсеки загерметизировались, воздухопроводы и магнитные зажимы отсоединились, и толстобрюхое несурзное судно отправилось в путь к планете.

В челноке царил спёртость и затхлость. Никаких окон не было. Внутри не было ничего, кроме горящихся людей и техники, а также витавшего в воздухе нервного напряжения. Для них посадка в десантный корабль обычно означала отправку в новую зону военных действий, а в людном и душном отсеке отсутствовало что-либо, способное отвлечь их от тягостных раздумий. Большинство людей сидело

рядами на полу, подтянув колени к подбородку, с опущенной головой, низко надвинутой каской и закрытыми глазами.

У Бендикта свело живот, когда корабль покинул боевой крейсер и устремился к Кадии, но затем на смену тошноте пришло чувство свободного падения. Ему бы следовало проверить, как там его бойцы, поэтому, придерживаясь рукой за металлическую стену, он поднялся на ноги.

Майор прошёлся вдоль рядов ждущих гвардейцев, перебрасываясь парой слов то с тем, то с другим. Затем он заметил молодого парня.

— Как тебя зовут?

— Георг, сэр.

— Когда покинул Кадью?

— Полтора года назад, сэр.

— Спорю, ты не думал, что вернёшься так скоро.

— Нет, сэр.

— Была дома девчонка?

Щёки Георга зарделись, и он ухмыльнулся.

— Ну, да... — он чуть не забыл добавить «сэр». — Ей выпало служить в силах планетарной самообороны.

Бендикт кивнул.

— Тогда удачи, — сказал он.

Исайя собирался двинуться дальше, когда Георг порылся в шинели и достал захватанный пикт молодой девушки в кадийской униформе со стянутыми в тугой хвост волосами. Бендикт взял его. Так следовало делать, когда кто-то показывал тебе свою вторую половинку.

— Выглядит, как настоящий боец.

Георг улыбнулся.

— Она такая. Галина. Пыталась опротестовать распределение. Дошла до самого верховного командования... — юноша замолчал, и майор закончил вместо него.

— Но они ничего не смогли поделать.

Георг кивнул.

— Ничего.

Бендикт вернул снимок.

— Надеюсь, она тебя не забыла.

А затем ему вспомнились слова Крида.

Надежда вела к разочарованию.

Последний раз, когда 101-й Кадийский летел к планете, их корабль сотрясало от зенитного огня противостоявших им зеленокожих. То был жуткий спуск. Но на этот раз не было никакого грохота, никаких манёвров, никакого звона осколков по наружной обшивке.

Они зашли с севера, миновав увенчанные снежными шапками пики Резлийских гор, после чего мягко повернули направо. Сервоорудия удалённого управления поворачивались вслед десантному кораблю, который, постепенно сбрасывая скорость, ушёл в затяжной спуск над северными приполярными регионами, следуя по предписанному маршруту, что ввели в его системы управления сервиторы палубной команды.

Снижение заняло почти два часа. Челнок неспешно летел по пологой параболе, и к тому времени как он выдвинул шасси, и все на борту ощутили резкое торможение перед посадкой, настроение бойцов стало чуть ли не ликующим. Едва дальние двери распахнулись, гвардейцы начали смеяться и перебрасываться шутками, а затем радостно закричали, когда широкие аппарели с грохотом откинулись, и отсек наполнился светом и воздухом Кадии.

Бендикт стоял на верху трапа десантного корабля и дышал на полную грудь. Перед ним во все стороны раскинулся военный транзитный лагерь, коим являли собой Тайрокские поля.

Верховное командование планеты отозвало все кадийские части. Никто не знал, когда подобное случалось прежде, и теперь, стоя здесь и окидывая взглядом бескрайние Тайрокские поля, майор с изумлением слушал гул миллионов собравшихся ударников.

Размах происходящего потряс его до глубины души, словно дикаря с первобытного мира, увидевшего свой первый орбитальный корабль. Гигантская равнина превратилась в настоящий город из палаток, припаркованной техники, гор снарядов и пайков, а также дополнительных припасов. Исайя даже представить себе не мог, сколько здесь находилось гвардейцев. Люди сновали везде, куда бы он ни посмотрел. Гул их кипучей деятельности сливался в неумолкающий рокот. Их был миллион, не меньше. А вдалеке, на самом горизонте, словно животное на пастбище, «Левиафан» дал пронзительный сигнал из рожков, приветствуя шествующую на юг манипулу «Повелителей войны».

Титаны ответили рёвом собственных горнов, и медленно двинулись в его сторону подобно накатывающему валу. Бендикт ухмыльнулся.

Внезапно он понял, что обнимает Тайсона, с громким хохотом хлопая сержанта по спине.

Они были дома.

Оглядываясь назад, Бендикт жалел о том, как провёл первые полтора дня на Кадии.

Он отказался от шанса наведаться в каср Тайрок и отправился вместе с флаг-сержантом Даалом и своими штабистами в местный офис Муниторума, чтобы узнать последние приказы.

Офис Муниторума представлял собой приземистую, обложенную мешками с песком будку в углу лагеря 889. Он взяли талон — Д9973 — у станции-сервитора и принялись ждать свою очередь. Ожидание затянулось, но это была Кадия, поэтому всё происходило упорядоченно и дисциплинировано — а в

комнате находилось полно других ударников. Кадийцы скрасили время, узнавая, не приходилось ли им сражаться вместе в одной зоне боевых действий.

Когда их номер, наконец, назвали, они подошли к чиновнику от Муниторума, который сидел, сложив перед собой руки, за низким лагерным столом, заваленным сухпайками, стопками чистых листов, а также тяжёлым металлическим штампом в форме аквилы.

— Сто первый Кадийский, — вместо приветствия произнёс он.

Бендикт кивнул и сел, положив каску себе на колени.

Клерк сверился с бумагами.

— Майор Бендикт? Хорошо. Мой двоюродный дедушка служил в Сто первом.

— Как его звали?

— О, вы его не знали, — отмахнулся чиновник. — Он погиб в первом же бою. Разбился на «Валькирии».

Бендикт слышал сотни подобных историй. Он был вымотан, и прямо сейчас больше всего хотел сидеть в баре, пропивая выигранные деньги.

— Война сурова, — отозвался Исая.

Чиновник был престарелым мужчиной с широко посаженными круглыми глазами, то и дело наклонявшим голову так, что становился чем-то похож на орла. Впрочем, он был учтив и расторопен, и вручил им все необходимые продовольственные книжки и карточки на выдачу снаряжения, зимних ботинок, медикаментов и остального, что требовалось боевому подразделению.

— Негустой рацион, — заметил Бендикт, пока Даал изучал нормы ежедневного отпуска продуктов.

Клерк повернул голову и вперился в него взглядом, прежде чем отвернуться.

— Осадное положение, — буркнул он.

— Уже? — спросил Даал.

Чиновник Муниторума кивнул.

Бендикт надел каску. Он решил, что пришло время сверить приказы.

— Значит, мы должны соединиться с Семьдесят четвёртым бронетанковым батальоном командования «Север».

Мужчина взглянул на исписанный сервитором свиток перед собой.

— Хмм, — задумчиво протянул он. — Похоже, ваши приказы изменились.

— Снова?

Клерк вновь наклонил голову и посмотрел на майора.

— Да. Ваше подразделение будет размещено на наблюдательном пункте 9983.

— А где это?

— Я не знаю. — Щёки чиновника зарделись. Он явно не любил подобные неожиданности. Только не в его смену.

— Хмм, — сказал он, и, нахмурившись, принялся искать отсутствующие сведения. Наконец, после минутного поиска, мужчина взглянул на него с устало смирённым выражением лица.

— Боюсь, эта информация засекречена.

— Тогда как мы туда попадём?

— Боюсь, этого я не знаю.

— А наша техника и снаряжение?

— Боюсь...

— Вы этого не знаете.

Мужчина склонил голову и кивнул.

— Именно.

К тому времени как Бендикт вернулся в лагерь, транспорты в каср Тайрок уже отбыли.

— Я могу вас подвезти, — предложил Тайсон.

— Сколько это займёт?

— Шесть часов.

Секунду Бендикт всерьёз раздумывал над предложением, но понял, что в нём не было никакого смысла. Если они выедут прямо сейчас, то, добравшись на место, им придётся сразу же и отправляться в обратный путь, чтобы успеть на посадку.

— Кажется, идея бессмысленна, не находишь?

— Наверное, сэр.

Бендикт выругался. Лагерные огни тянулись во всех направлениях. Он посмотрел вверх на ярко-пурпурное пятно в небе, и Око Ужаса воззрилось на него в ответ.

— Я и забыл, какое оно яркое, — произнёс Исаяя.

Тайсон кивнул.

— Фрекково мерзкое, да?

— Ага, — отозвался Бендикт. Он скучал по Кадии, но по его ночному небу — ничуть. Око Ужаса стало ярче, чем он помнил. Его зелёновато-пурпурный свет тенью стелился по земле. От одного его вида майора затошнило.

Никогда, инстинктивно подумал он.

Никогда.

Штабной «Кентавр» подъехал к командирской палатке Бендикта за час до рассвета.

— Вы майор Бендикт? — спросил территориальный офицер, быстрым небрежным жестом сложив на груди знак аквилы.

— Да.

— Ваша машина ждёт.

— Хорошо. К наблюдательному пункту 9983?

— Нет. К авиабазе Альфа 443.

— Тайсон, наши приказы что, снова изменились?

Сержант смутился.

— Нет.

— Авиабаза Альфа — транзитный узел.

— Куда мы направимся? К наблюдательному пункту 9983?

Мужчина сверился с документами. Повисла недолгая пауза.

— Боюсь, тут не указано, куда.

Бендикт начал терять терпение.

— Нам сказали, что нас отправят на наблюдательный пункт 9983.

Щеки офицера залились румянцем.

— Я не знаю, но мне нужно освободить место. Завтра там сядет другой челнок, прибывающий на парад.

— Что ещё за парад?

— Волсканские катафракты. Будет официальная встреча.

Майор бессильно вздохнул.

— Никогда не слышал.

Глава третья

Наблюдательный пункт 9983

Гвардейцу мало на что приходилось рассчитывать, однако ему, как минимум, хотелось знать, где он будет сражаться. Тем не менее, оказалось, что никто слыхом не слыхивал о наблюдательном пункте 9983, и бойцы 101-го с понурым видом собрали вещи и прошли остаток пути до авиабазы Альфа 443.

В небесах над Тайроковскими полями сновали самолёты, без усталости забирая и выгружая полки, некоторые

из которых перебрасывались в другие касры по десятиполосным магистралям, и всё это время огромные планетарные челноки продолжали непрерывно доставлять на поверхность свежие подразделения.

— Есть идеи, где этот наблюдательный пункт? — спросил флаг-сержант Даал, заметив ряды ждущих «Валькирий».

— Ни единой, — отозвался Бендикт. Его нервы начинали сдавать. Они вернулись домой не для того, чтобы наблюдать. Во имя Трона, они же 101-й. Из боковой двери одной из «Валькирий» выбежал человек. В руке он стискивал инфопланшет, с которым быстро сверился, прежде чем спросить:

— Майор Бендикт?

— Да.

— Мы ждём вас.

— Вы знаете, куда мы направляемся?

Лицо мужчины стало непроницаемым.

— Простите.

— Что насчёт танков?

Мужчина склонил голову.

— Простите. Не могу знать.

Исайя тихонько выругался.

— Даал. Грузи людей.

Кадийцы взвод за взводом принялись рассаживаться по самолётам.

— Все на борту, — сказал флаг-сержант, когда последний гвардеец забрался на борт.

Бендикт взглянул на него в последний раз и кивнул.

— Хорошо. Давайте узнаем, в какую дыру нас посылают.

Они оставили боковые двери «Валькирии» открытыми. Бендикт с Даалом стояли у проёма, разглядывая Кадию.

Им потребовалось шесть часов, чтобы пролететь расчерченные квадратами Тайрокские поля, а затем они оказались над пустошами, которые подобно животным в саванне пересекали танковые полки. В лица кадийцам бил холодный ветер, отчего им на глаза наворачивались слёзы. Обоим приходилось кричать, чтобы быть услышанными сквозь рёв турбин.

— Мы движемся на северо-восток! — указал Бендикт. Если это, конечно, что-либо значило.

— Как раз где питейные каср Тайрока! — подметил Даал.

Майор встал у самой двери и выглянул вниз. Возвращение домой явно переоценивали, решил он. Где бы ни находился этот наблюдательный пункт, лучше, чтобы поблизости был чертовски хороший бар.

По равнинам внизу двигалось десять «Левиафанов». Каждый из них имел сотню ярдов в высоту и напоминал горбатого керамитного жука, усеянного орудийными стволами. Машины медленно катились на массивных гусеницах, и по сравнению с ними ехавшие рядом «Гибельные клинки» почётного караула выглядели игрушечными. Исполины шли колонной по одному, словно стадо гигантских гроксов.

«Валькирия» накренилась, когда люди столпились у борта, и, щурясь от ветра, уставились на величественное зрелище. «Валькирия» легко «помахала» крыльями, и офицер связи в одном из «Левиафанов» послал им в ответ короткий гудок из рупоров машины.

А затем «Валькирии» свернули на юг к Центральному массиву, и земля внизу побелела от снега.

Они приземлились на кишашей людьми базе высоко в пустошах Северного массива Кадии. Место было настолько холодным и невзрачным, насколько можно было себе представить, но выбраться наружу им не дали. «Валькирии» дозаправились и взлетели снова, направившись на юг.

Они провели в пути всю ночь, поэтому солдаты не преминули воспользоваться шансом и поспать.

На следующее утро турбины натужно сипели в разрежённой атмосфере.

— Мы что, заблудились? — спросил Даал.

Исайя приоткрыл дверь. Самолёты летели в сторону чёрной скалистой горы с заснеженными вершинами, двигаясь к огромному отвесному утёсу у самого пика. Из скалы, в двух третьих её высоты, выступала крошечная посадочная площадка с камнебетонным парапетом, где располагалась пара автоматизированных сервоболтеров, тут же взявших на прицел приближающиеся «Валькирии», а также платформа с накрытой брезентом «Гидрой», под которой приютилась металлическая дверь.

Едва ли на всей Кадии сыскался бы более унылый и заброшенный аванпост, однако именно туда они и направлялись.

— Поверить не могу, — пробормотал Бендикт.

Он окинул взглядом своих людей. Ни один из них не выглядел довольным.

На посадочной площадке едва хватало места для одной «Валькирии». Подлететь к ней было той ещё задачей, поскольку порывы горного ветра без устали сотрясали самолёты, не позволяя им подобраться к утёсу. Каждая «Валькирия» поочередно садилась на платформу, давая гвардейцам возможность спуститься, после чего пустая тут же отлетала прочь, освобождая путь для следующей ждущей машины.

Казалось, очередь «Валькирии» Бендикта никогда не наступит. Пока они ожидали, к ним из кабины обернулся второй пилот.

— У нас кончается топливо! — крикнул он сквозь ревуший ветер. — Быстрее выгружайте своих людей!

Майор кивнул, напряжённо наблюдая за тем, как их машина подлетает к цели, и чёрная скала постепенно заполняет собой весь обзор.

Пилот замахал им сквозь фонарь кабины.

— Готовы! — крикнул Даал, становясь перед дверью, едва «Валькирия» коснулась земли. Бойцы

выпрыгнули наружу со всей своей экипировкой, по-прежнему блестящей чистотой, и побежали по скользкому ото льда скалобетону к пандусу, что вёл на парапет.

Сержант Дайкен из второго взвода уже дожидался там с протянутой рукой.

— Осторожно! Не оступитесь. До дна три тысячи ярдов.

Исайя, однако, не нуждался в помощи. Он прошёл по узкому парапету, затем через металлические взрывозащищённые двери и попал в огромное укреплённое помещение с тёплым и сухим воздухом.

Майор двинулся вперёд. После рёва ветра и турбин внутри, казалось, царило безмолвие. Он замер и прислушался. Тишину нарушал отчётливый гул работающих генераторов.

Он оглянулся. На скалобетонной стене мелом были нарисованы зачёркнутые эмблемы всех полков, что базировались здесь до них. Названия тянулись вдаль, теряясь в сумраке. Последнее из них гласило: «290-й кадийский, Стальные Кулаки».

— Что это ещё за место? — спросил Бендикт.

Он обернулся и обвёл взглядом похожий на пещеру зал, прежде чем заметил мужчину в гражданской одежде, направлявшегося напрямиком к нему.

У него были аккуратно зачёсанные седые волосы, кустистые чёрные брови и ярко-фиолетовые глаза.

— Вы майор Бендикт? — спросил незнакомец.

— Да.

— Меня зовут Ривальд, — мягким голосом произнёс мужчина. — Я местный смотритель. Добро пожаловать в наблюдательный пункт 9983.

Наблюдательный пункт 9983 представлял собой немногим больше, чем обросший сосульками парапет с посадочной площадкой, цеплявшейся за гранитный утёс высотой в милю под нависающей шапкой толстого белого льда. Парапет повторял изгибы горы и имел амбразуры с бойницами, из которых простреливался обрыв глубиной в две тысячи ярдов, а также платформу с древней зачехлённой «Гидрой», едва выглядывавшей из-под снега.

Аванпост был холодным и совершенно унылым местом, без единой дороги или пути доступа помимо площадки, продуваемой сильнейшими ветрами, из-за которых на неё решились бы приземлиться лишь самые опытные пилоты. «Зачем кому-то потребовалась размещать здесь базу?» — тревожил умы кадийцев единственный вопрос.

Бендикт вызвал своего вокс-оператора, Мере.

— Есть связь с командованием «Север»?

— Такточно, сэр, — отозвался Мере. — Тут есть старый передатчик. Та ещё зверюга, — хохотнул связист.

— Если хотите, можем поговорить хоть с капитаном «Фиделитас вектор».

— Тогда поблагодари его за гостеприимность, — зло осёк его майор. — Но сначала свяжись с кем-то из начальства. Узнай, какого чёрта мы тут забыли, и за кем должны наблюдать.

— Такточно, сэр.

— Тайсон. Армитейж разведал это местечко?

— Да. — Сержант засопел. — Мы выяснили, что здесь минимум шесть этажей. Все уходят в толщу горы.

— Шесть? — переспросил Бендикт. — Минимум?

— Ну, по словам Армитейжа, на третьем этаже есть дверь, которую ему не удалось открыть.

Бендикт выругался.

— Где тот смотритель... Как его там?

— Ривальд, — подсказал Тайсон. — Похоже, он живет в офицерских апартаментах на втором этаже.

Когда Бендикт отыскал его, Ривальд молился в небольшой часовне на втором этаже. Двери святилища были распахнуты настежь, свет, отбрасываемый пламенем оплавившейся красной свечи, плясал на лице Омниссии, а из неглубокого сакрариума скапывало недавно нанесённое масло.

Ривальд вскинул руку, не дав Бендикту произнести ни слова, и, закончив, вытер измазанные маслом руки в передник.

— Здешние машинные духи очень стары, — сказал он вместо извинений. — Им нужен особый уход.

С каждой секундой Исаяя терял остатки самообладания, и Ривальд выглядел вполне подходящей целью, на которой он мог бы выместить свою злость.

— Слушай сюда, — процедил он. — Мне эти машины до фрека. Мои люди пересекли Галактику, чтобы вернуться на Кадю в час её нужды. — Эта напыщенная фраза напомнила ему о магистре Рюсе, отчего раздражение майора только усилилось. — Мы танковый полк, а нас забросили куда-то в горы посреди Центрального массива. Ты знаешь, что это за место, и какого чёрта мы здесь делаем?

Судя по взгляду смотрителя, подобного рода разговоры ему уже доводилось вести прежде. Он запер металлические двери часовни и ответил:

— Нет.

— Совсем-совсем?

— У меня есть догадки, — сказал Ривальд. — Пошли в мою комнату.

Мужчина повёл его в заброшенное крыло с медными крепёжами и полированными дверями из нал-дерева.

— Раньше тут находилось офицерское жильё, — рассказывал он по пути. — Главные казармы на третьем этаже. В них может разместиться, по меньшей мере, три тысячи человек. Я считал койки. Нужно чем-то занимать себя в перерывах между работой.

Они прошли через двойную дверь, отмеченную символом аквилы, и оказались в длинном коридоре, освещённом единственной люмполосой. Внутри царил сухой, затхлый запах. Сами переходы были чистыми и убранными, а в одной из комнат горел свет.

— Прошу сюда, — сказал Ривальд. — Вот тут я живу.

Бендикт проследовал за ним в опрятную, без единой пылинки комнатку. Внутри находилась раскладушка, трёхъярусный шкафчик и плакат с красной аквиллой, под которой была надпись жирным шрифтом: «Враг слушает... Не болтай!»

Мебель явно выглядела гораздо новее, чем скалобетонные элементы соединений, выполненные в старинном барочном стиле.

Ривальд указал ему на аккуратный деревянный стул.

Майор остался стоять.

— Что это за место?

— Наблюдательный пункт...

— Хорош заливать, — оборвал его на полуслове Бендикт. — Это не так. Зачем тогда здесь нужно три тысячи человек? За чем тут наблюдать? Мы же в горах.

— Боюсь, я не могу вам сказать. Я тут уже двадцать пять лет.

— И чем именно ты тут занимаешься?

— Слежу за работой техники. Молюсь Золотому Трону. Общаюсь с машинными духами. Иногда сюда прибывают солдаты. Вроде вас.

— Когда?

— Год назад. Кадийский 9034-й воздушно-десантный. Им тут очень не понравилось.

— Ну ещё бы. Сколько они пробыли?

— Шесть месяцев.

Бендикту стало дурно.

— С базы есть другой выход?

Мужчина покачал головой.

— Должен же быть.

— Нет.

— Мы сможем забраться на гору? Или спуститься вниз? Тут есть верёвки?

— Другие пытались, — сказал Ривальд и нахмурился. — Я видел. Здесь ничего нет. Только площадка.

— Одна площадка. На три тысячи человек. Должно быть что-то ещё. Мои разведчики сказали, что на третьем этаже есть дверь...

— Да. Она называется «Спасение 9983».

— И что это значит?

Смотритель покачал головой.

— Я не знаю.

— Ты можешь их открыть?

— Нет.

— Уверен?

Старик кивнул.

— Так какого фрека они тогда нужны?

Из коридора донеслись торопливые шаги. Бендикт потянулся за лазпистолетом, но это оказался Тайсон. Запыхавшийся от бега сержант быстро отдал честь, и Бендикт вложил оружие обратно в кобуру.

— Сэр! Случился инцидент. — Сержант сделал глубокий вдох и быстро выпалил: — Губернатор Порелска мёртв!

— Мёртв?

Тайсон кивнул.

— На Тайрокских полях стряслось неладное.

— Битва?

Сержант попытался объяснить.

— Это волсканцы, сэр. Они повернули оружие против губернатора. На месте высадки. — Он глубоко вдохнул, и, сбиваясь из-за спешки, сказал: — Говорят, сэр, ну, похоже, волсканцы стали *еретиками!*

Глава четвёртая

Наблюдательный пункт 9983

Без чётких фактов кадийцы 101-го полка могли лишь догадываться о случившемся, и это было плохо. Без твёрдых доказательств солдат начинал думать о наихудших возможных вариантах, словно ребёнок, воображающий во тьме монстров.

Бендикта не заботило, кто их противник. Что им сейчас требовалось, так это факты. Расположение и сила врагов. Как лучше всего их убить.

Майор попытался установить связь со всеми подразделениями, какие только смог вспомнить, но каналы были забиты рёвом сражающихся людей. Мужчины и женщины 101-го в потрясённом молчании слушали вокс-переговоры с Тайрокских полей. Панические крики окружённых частей. Голоса командиров, отчаянно пытающихся найти своих людей. Всё смятение и ужас войны.

Там творился кромешный ад.

Бендикт в ярости врезал по стене.

— Бессильны! — прошипел он, расхаживая туда-сюда, пытаюсь найти объяснение гремящему на Тайроокских полях сражению. — Мы, фреkk, бессильны!

Кто-то слетел с катушек? Или не так воспринял воображаемое оскорбление? Око Ужаса сводило людей с ума.

Но постепенно в происходящей неразберихе всё отчётливее проявлялась точка спокойствия. То был голос единственного человека, пробивающийся сквозь крики и вопли. Он отдавал приказы. Успокаивал потрясённых людей. Он начал собирать рассеянных выживших на Тайроокских полях обратно в армию. Он противостоял хаосу, восстанавливая порядок.

— Это же Крид! — воскликнул Бендикт и, не убирая руку с вокса, вытянулся в струнку, словно сам генерал находился сейчас перед ним. — Это Урсаркар И. Крид! — закричал он. — Свяжись с Кридом по воксу! Нет, пошли ему сообщение. Скажи, что майор Бендикт и 101-й застряли в наблюдательном пункте 9983.

Мере попытался, но все каналы были перегружены. Наконец, после часа неудач, связист поднял руку.

— Сейчас будет объявление, сэp.

Весь 101-й собрался полукругом у передатчика.

— *Мужчины и женщины Кадии.*

Это был Крид. Казалось, он обращался к каждому из них, как будто стоя в комнате вместе с ними. Все они ощущали близость генерала. Это было частью его магии.

— *Сегодня мы потеряли многих. Друзей. Сынов. Матерей. Дочерей. Товарищей. Мы пережили огонь, бомбардировку, измену и трусость. И мы не дрогнули. Мы не стали просить, чтобы кто-то занял наше место. Мы стояли, мы дрались, и мы шли в бой.*

Из вокса донёлся далёкий звук приветственных криков, и в животе Бендикта скрутился тугой узел. Если бы только они были там, в битве. Он словно видел сцену перед своими глазами: простирившиеся до горизонта Тайроокские поля, повсюду пылают огни, медике занимаются ранеными. И бычья фигура Крида с накинутой на плечи шинелью и сжимающего в руках недокуренную сигару.

— *Сегодня верховное командование попросило меня стать лордом-кастеляном Кадии.* — Снова возгласы. В комнате воцарилась такая тишина, что можно было услышать, как дышат люди.

Исайя представил себе, как Крид с побелевшими костяшками стоит на возвышении, дожидаясь, пока толпа не умолкнет. Его голос раздался снова.

— *Я принял эту обременительную честь.*

Бендикт с Даалом обменялись взглядами.

Повисла долгая пауза, а ликующие крики на Тайроокских полях всё не стихали.

Крид ждал. Бендикт вообразил, как он поднимает руки, призывая гвардейцев к тишине.

— *То, что сегодня случилось, — не случайность. Не ошибка. За всем произошедшим стоит разум,*

планировавший и замышлявший это тысячи лет. Разоритель.

— Настал час, которого мы так давно ждали. Вот он, наш шанс показать врагу свою силу.

Новые крики.

— Я могу предложить вам только кровь и битву. Это — ваш вклад в войну, что длится десять тысяч лет. И сегодня, братья и сёстры, сегодня мы — вы — одержали великую победу, которую будут помнить ещё десять тысячелетий, или пока стоит сам Империиум Человечества!

Торжествующие возгласы утонули в грянувшем «Цветке Кадии».

Трансляция, по всей видимости, завершилась.

— Выключай, — сказал Бендикт связисту.

В комнате повисло потрясённое молчание. Майор встал у вокса и обвёл взглядом своих солдат.

— Вы слышали Крида, и я знаю, что вы чувствуете то же, что я сам. Мы должны быть там, внизу. Однако мы здесь, на этой Троном забытой наблюдательной платформе. Я собираюсь сделать всё возможное, чтобы вытащить нас отсюда. Вы все получите шанс сразиться с врагом. Я вам это обещаю.

На следующий день рассвет так и не настал.

Небеса Кадии потемнели, когда огромные флоты мониторов и орбитальных оборонительных платформ — мощной защиты, которую всего несколько дней назад он видел с борта «Фиделитас вектор», — рассеялись под натиском армады Чёрного Легиона. Орбиту заполнили многочисленные крейсера, челноки и одноразовые капсулы с воинствами Разорителя на борту.

Недели сливались в месяцы, и гнев застрявших кадийцев постепенно уступал место отчаянию; воззвания Крида по воксу становились всё более пылкими и страстными.

— *Люди Кадии...* — всякий раз начинал он свою речь.

— Мы разбили танковую колонну в каср Релоне. Враги высадились на кадийскую землю в огромном количестве. Мы — поколение, на плечи которого пала тяжёлая обязанность отправить их всех обратно в ад.

Глубокий голос Крида оставался неизменным, даже когда ему доводилось сообщать плохие новости.

— *Люди Кадии. Стены каср Батрока пали, но меня заверили, что в самом городе люди продолжают сражаться с упорством и решимостью, и очень скоро неприятель будет окружён, блокирован, и полностью уничтожен.*

— *Люди Кадии, держитесь! Мы — шип, что сдерживает врага. Подкрепления уже в пути. Верховные лорды Терры восхищены вашей жертвенностью. Держите строй! Бейте врага. Не уступайте ни пяди земли.*

Каждую ночь тучи чёрных крейсеров выпускали рои челноков, падавших на планету подобно стаям хищных птиц. Они изрыгали из себя неорганизованные толпы ритуально посечённых культистов, демонических машин и чемпионов Тёмных богов, убийствами торивших себе путь к могуществу.

В огромные ангары кораблей согнали обитателей целых дикарских планет и миров-ульёв, и теперь все они изливались наружу разъярёнными, исчислявшимися тысячами, ордами, рвущимися вперёд с ликующими воплями, нечестивыми именами и молитвами на устах. Они наступали в таких количествах, что даже многочисленные бригады и танковые колонны кадийских ударников, лучших человеческих воинов в Галактике, медленно отступали назад, сдавая окоп за окопом, редут за редутом, и, наконец, каср за касром.

День за днём, час за часом, в атмосферу поднимались тонны пепла, укутывая планету пеленой тьмы.

Каждый день майор Бендикт стоял на высоком парашюте наблюдательного пункта 9983 и с бессильным отчаянием всматривался вдаль.

На тридцатый день он взял магнокуляры, чтобы увидеть, как Чёрный флот обрушивает свою мощь на его родной каср Халиг. Троевыпуклый шлем отбросил на лицо майору косую тень, когда неистовый залп лэнс-батареи прошёл ночное небо Кадии длинными мерцающими столпами раскалённого добела света. Молниевая буря длилась часами, заволакивая равнину пылью и пеплом, и тут и там вздымая высоко вверх громадные грибовидные облака. Каср Халиг принимал ужасную кару.

День за днём его пустотные щиты мерцали синим, а затем — жёлтым светом. Они работали уже на пределе мощности.

— Сэр?

Исайя обернулся. Сержант Тайсон пробирался к нему, по-прежнему не снимая толстых варежек для ледяных миров. Майор, высунувшийся далеко за парашют, подался назад, когда подчинённый подошёл ближе.

— Как думаете, что там творится? — спросил тот.

Вспышки от лэнс-молний непрерывно озаряли их лица.

— Настоящий ад.

Тайсон кивнул.

— Осталось недолго, — произнёс Бендикт.

Судя по выражению сержанта, он был согласен с ним. Тайсон протяжно вздохнул.

— Вам стоит отдохнуть, сэр, — сказал он.

Очередной яростный залп по городу докатился до них оглушительным громовым раскатом.

— Я там родился, — сказал Исайя. — Я знал каждый его закуток и бронированный перекрёсток, как приклад своей лазвинтовки.

Они продолжали стоять, и сполохи от непрерывной бомбардировки отбрасывали на их лица резкие тени. Внезапно гора у них под ногами содрогнулась, когда неимоверной мощи взрыв на равнинах осветил далёкие облака изнутри, придав им вид красной туманности. Бахнула череда детонаций, каждая — достаточно сильная, чтобы расцветить сумрак желтизной, и всё внутри Бендикта сжалось, когда по равнине в его сторону прокатился оглушительный грохот.

Обломки взмыли на целую милю: куски камнебетона, бастионы, оружейные и защитники пылью поднялись в верхние слои атмосферы.

Каср Халиг перестал существовать.

На кону стояла судьба всего Империиума Человека, а он и его полк ничего не могли поделать.

— Мы можем оставаться наготове, — вместо утешения произнёс Тайсон. — Оставаться свежими. Мы можем поддерживать себя в форме.

Исайя не ответил. У него больше не осталось слов. Он застрял в горной крепости, а Кадия умирала у него на глазах.

На сто десятый день войны, когда Бендикт, голый по пояс, делал отжимания, с треском ожил вокс-передатчик. Торопливо отряхнув руки от пыли, майор включил бусину связи.

— Тайсон?

Из-за ревущей снаружи метели он не разобрал ответа сержанта.

— Повтори! — Бендикту пришлось повысить голос, чтобы тот его услышал. — Ещё раз, — сказал он. За его словами, эхом прокатившимися по огромному пустому помещению, повисла долгая пауза. — «Валькирия»? Ты уверен?

— Да, — отозвался Тайсон. — *Летит к нам.*

Соединение оборвалось, и Бендикт выругался. Натянув на себя майку с бронежилетом, он поспешил по безлюдным ангарам.

Связь восстановилась, когда майор вышел из лестничного проёма. Тайсон звал его по имени. От его настойчивого тона у майора пошла по коже мурашки, и он сорвался на бег.

— *Бендикт!* — кричал Тайсон. — *Давай сюда! Он здесь!* — Сержант практически орал в вокс.

— Кто? — рявкнул майор.

Тайсон уже едва сдерживался.

— *Фрекков Крид! Он тут!*

Часть вторая

Война за Кадью

Глава первая

Каср Мирак, Кадия Секундус

107 день войны за Кадью

На исцарапанной доске в разрушенной схоле до сих пор оставалась выведенная мелом тема урока. *«Не лейте слёз — я родился не для того, чтобы смотреть, как меркнет мир...»* Для курсантов схолы №5 Гильдейского квартала каср Мирака обучение закончилось с началом войны за Кадию, прямо тут, на середине предложения, однако Минка знала конец изречения. Каждый кадиец его знал. В детстве она провела немало часов, заучивая наизусть цитаты Имперуума. Девушка замерла.

Минка сама училась здесь всего четыре года назад. Она мысленно вернулась в прошлое, вновь увидев коридор, полный юных кадетов — девушек с коротко, по военному, подстриженными волосами, облокотившихся о шкафчики парней, высокого бородатого майора схолы, который, упёршись рукой в стену, обсуждал тактику танковых действий с худой светловолосой кадеткой с хвостиком.

Минка позволила себе ещё одно воспоминание: запах карболового мыла, которым пахла свежевывглаженная одежда, металлический аромат оружейной смазки на руках, нетерпение, с коим она ждала часовой службы в имперской часовне, но затем ощутила нетерпение своего напарника, Йёгора, последнего выжившего из 93-го полка Мордианской Железной Гвардии.

Аптечки, оружие, боеприпасы, аккумуляторы, провизия — здесь должно найтись хоть что-то полезное.

Минка едва замечала вонь, пробираясь сначала по комнате, а затем через офицерскую столовую. Двери шкафчиков болтались вскрытые, повсюду валялись книги, документы и обрывки бумаги. На блестящих плитках алело пятно крови, размазанное там, где отволокли прочь тело.

Под рухнувшими стропилами в дальнем конце коридора лежало три трупа. Они пробыли среди завалов уже несколько недель. Их запавшие глазницы наполнились пылью, словно отпечаток ноги — снегом. Девушка пошарила по карманам покойников и нашла недокуренную палочку лхо и браслет с аквилей-оберегом.

— Есть что? — спросил мордианец.

— Только это, — показала Минка аквилу. Она ведь не была дурой.

Станет она ещё делиться палочкой лхо.

На Евфратской улице разгорелся бой. Сверкнул взрыв, грохотнул миномёт, затем где-то вдалеке застрекотала автопушка. Они даже не приостановились. Свистели ведь только те снаряды, которые предназначались не тебе.

Минка повела напарника через дверь на внутренний плац. Скалобетонные плиты были размечены белыми линиями. Кто-то организовал здесь пункт раздачи воды, однако металлическая бочка была изрешечена пулями и давно опустела.

— Гляди! — указала Минка.

Йёгор ничего не заметил.

— Там, — сказала она, беря его за руку. — Ствол пушки. Не видишь?

Мордианец прищурился.

— Прикрой меня, — бросил он.

Минка пригнулась в углу площадки, уперев лазкарабин в плечо, а Йегор начал осторожно карабкаться вверх, подбираясь к разбитому окну. Железные ставни держались на единственной уцелевшей петле. Мордианцу пришлось выбраться на открытую сторону здания. Кадийка заметила его взгляд и пересекла плац, чтобы прикрыть товарища.

На чугунных фонарных столбах перед схой висела пара трупов, неспешно болтаясь туда-сюда. Вчера их ещё не было. Минка просунула лазкарабин чуть вперёд, после чего тихо свистнула. Йегор застыл на месте и подал ответный знак.

«Еретик», означал его жест. Девушка кивнула и взяла карабин наизготовку.

Время убивать.

Капитаны боевого флота Кадии держали корабли в состоянии наивысшей готовности.

Адмиралы Империи задали основательную трёпку Чёрному Флоту по пути к планете, прежде чем к ним пришло жуткое осознание, что они пытались отразить атаку всего одной-единственной эскадры из несметной армады Абаддона.

Когда к Кадии подошли основные силы Разорителя, они попросту смели все её древние платформы и оборонительные флоты, и число их было столь велико, что небеса над планетой почернели, а солнце со звёздами скрылись из виду.

Челноки, боевые космолёты, танкеры и десантные корабли слетелись к Кадии, словно мухи к трупу. Орбитальные бомбардировки погрузили мир в ночь, взмётывая обломки до самой стратосферы, а затем первые севшие корабли исторгли на поверхность миллионы культистов.

Откуда те фанатики были родом, или как себя называли, Минка не знала и знать не хотела. Сектанты были недисциплинированными, необученными, и не держали удары элитных кадийских частей. Но чего им было не занимать, так это безумия и свирепости. Они походили на бешеных псов.

В каср Мирале лоялисты прозвали их «Безымянными».

Минка дала Безымянному подойти ближе. Он был тощим, с дрожащими руками, бледная кожа выдавала в нём жителя мира-улья. Его рот был измазан в крови. И, по всей видимости, она принадлежала не ему.

Он не замечал её. Девушка приготовилась. Лазерный луч попал еретика в живот, и тот сложился пополам подобно раненому пауку, яростно засучив конечностями. Второй выстрел угодил в грудь. На этот раз тело отлетело на скалобетонные дорожные плиты, и вокруг него начала растекаться кровь.

Дом магистра находился на территории Безымянных, тремя блоками южнее, между Евфратской улицей и площадью Статуй. Ратлинг-снайпер Беллаг Гракк лежал на седьмом этаже и выжидал. Он был в тылу врага вот уже три дня. Бои отгремели вокруг и внутри здания, после чего ушли дальше, словно торнадо, или приливная волна. И теперь он оказался среди неприятелей.

Вот как он сражался. Небольшая, неприметная тень, дожидаясь момента для удара. Миномётный расчёт здесь, офицер там, просто чтобы держать врагов в напряжении и не давать им опомниться. Прямо над их головами, с запасом лазерных батарей на сто пятьдесят выстрелов.

Сто пятьдесят мёртвых еретиков.

Белагг пополз вперёд. Толпа Безымянных пробиралась по Часовенной улице, горбясь так, словно бежали сквозь бурю. Ратлинг отыскал их предводителя. Он носил комиссарскую шинель, на поясе болталась пара голов, а в руке его был стиснут меч. Головы, судя по виду, были свежими. Одна выглядела точь-в-точь как специалист-подрывник Дравлинг. Вторая — как его изготовитель бомб, Эддарт. У Белагга не было времени, чтобы проверить. Он снял оружие с предохранителя, пару раз глубоко вдохнул, и прицелился.

Ничто не пугало людей так, как выстрел снайпера, однако Безымянные даже не остановились. Не стали кидаться навзничь. Даже человек, в которого он попал. Лазерный луч прошёл его пониже спины, и ноги еретика исчезли во вспышке. Впрочем, тот был так сильно накачан стимулами, что продолжил ползти на руках подобно двуногой ящерице, оставляя за собой на скалобетоне кровавую дорожку.

Минка услышала крик. К ним приближались ещё Безымянные. Она прошипела Йегору поторапливаться, и тот ухватился за конец ствола и дёрнул на себя. Вниз заструился ручеек песка, когда мордианец взобрался повыше.

— Застряла, — шепнул он в ответ и поднял кусок балки, чтобы освободить раздатчик патронов. Квадратная металлическая коробка отсоединилась и покатила по горке в лавине пыли и щебёнки, после чего с громким лязгом упала на землю.

Мордианец подставил под железную балку плечо. Крики становились всё ближе. Должно быть, еретики заметили труп.

— Давай! — поторопила его Минка, и Йегор просунул руку под балку, а затем, напрягшись, толкнул её вверх. Внезапно раздалось шипение запала. Она встретилась с Йегором взглядом. Тот всё понял.

Бомба взорвалась.

Капитан Раф Штурм повидал всё, что могла бросить против него Галактика, и на память о тех встречах у него остались шрамы, черепная металлическая пластина и аугментический глаз. Свои ветеранские лычки он заслужил на Армагеддоне. Человека, дравшегося с зеленокожими, было сложно чем-то напугать.

Он руководил выжившими в городе. Командиром Штурм стал не в силу звания или назначения на должность, но потому, что присматривал за всеми и каждым из своих бойцов так, словно они были его плотью и кровью.

Безымянные развернули охоту на выживших после взрыва, и он, сорвавшись на бег, нырнул в заложенный мешками с песком вход, стискивая в одной руке загнутый назад бримлокский кукри, а в другой — болт-пистолет. Первых трёх еретиков крутануло от попавших в спины масс-реактивных снарядов. Четвёртый бросился на него прежде, чем Раф успел выстрелить снова.

Капитан нырнул под топор и ударил тяжёлым кукри вверх, вспоров противнику глотку, после чего плечом пихнул труп в сторону и бросился дальше.

Он занял позицию в дверях.

— Найдите их! — крикнул Раф следовавшим за ним бойцам. Он не стал озираться. Они услышат. Кадиец знал, что впереди находилось больше Безымянных, и открыл огонь сразу, едва те ворвались на улицу.

Сержант Таави нашёл Йегора первым. Он всё ещё дышал, но был уже при смерти. Кадиец двинулся дальше.

— Сюда! — позвал Ганнел.

Из-под завала торчал ботинок. Таави кинулся к лежащим блокам и принялся отпихивать их в сторону.

Если первый Йегор, значит это — Минка.

— Она мертва? — спросил Ганнел.

— Не знаю, — прошипел сержант, отодвигая скалобетонные блоки.

Скалобетонная пыль забила её в рот и нос. Минка заколотила ногами, ощутив, как их схватили чьи-то руки, чтобы освободить из-под обломков. Наконец, её вытащили наружу. Девушка выплюнула попавшую в рот пыль, пошатываясь, поднялась на ноги, так и не выпустив из рук карабин, и проморгалась.

Кто держал её за лицо. Таави — его широкие голубые глаза смотрели прямо на неё. Рот сержанта двигался. Взрыв до сих пор звоном отдавался в ушах. Она принялась читать по губам.

— Уходи отсюда! — кричал он, но у девушки уже не осталось сил.

Похоже, Таави всё понял. Он махнул рукой. Взрыв разворотил осыпь перед ней. А заодно и Йегора. Рука мордианца заканчивалась рваным месивом одежды и посечённой плоти. С ногами его было что-то не так; тело сложилось пополам.

— Уходи отсюда! — проорал Таави.

Один из еретиков вскинул автоматическую винтовку. Широкое дуло оружия изрыгнуло язык огня, и из стены у неё над головой во все стороны брызнуло каменное крошево. Таави толкнул её, но Минка решила остаться.

— Йегор! — крикнула она, однако для споров было слишком поздно.

Кто-то закинул девушку через плечо, отчего её рёбра заныли с новой силой, и бросился бежать, и Минка вдруг поняла, что смотрит на землю восемью футами ниже.

Глава вторая

Каср Мирак

В начале войны за Кадью оборона каср Мирака находилась в руках генерала Шталя, типичнейшего высокопоставленного ветерана со ста пятьюдесятью годами службы за плечами. Выходец из знати, он был всеобщим любимцем и умелым руководителем, приведшим оборону касра в приемлемое состояние.

После предательства на Тайроках планету быстро наводнили изменнические войска, и каср

Мирак окружила банда численностью в десять миллионов человек, заполнив равнины по соседству подобно рою насекомых.

Они были отбросами. Культисты атаковали вразнобой и раз за разом расшибались о дисциплинированных и обученных защитников, своей манерой вести войну вызывая у кадийцев отвращение. Еретики действовали бездумно, неорганизованно, полагаясь больше на массовость, чем на тактику, и поначалу гвардейцы питали большие надежды.

Очередь каср Мирака пришла на сорок второй день войны за Кадию.

После того как пустотные щиты их более крупного соседа, каср Халига, вышли из строя, громадная крепость разлетелась на куски от череды взрывов, цепочкой прошёдшихся от одного арсенала к другому.

Наконец, перегрузился ядерный реактор города, и обломки поселения взметнулись ввысь от мощнейшей детонации, оставившей на месте касра кратер с полмили глубиной. В пламени погибла гигантская часть осадной армии, но элита — Железные Воины и боевые отряды гвардейцев-предателей — к тому времени уже начали выдвигаться.

Войску еретиков потребовалось три дня, что взять каср Мирак в кольцо. Кадийцы выдержали безжалостную бомбардировку орбитальных космолётов и гигантских орд на равнинах. Ударники отвечали огнём из настенных батарей «Василисков» и большущих, установленных в башнях, лазерных установок, что обрушивали на силы изменников огромные сине-белые лучи энергии, яркими сполохами озарявшие сумрак.

Каждый день Безымянные атаковали подобно бешеным псам: рыча и брызжа пеной, несясь вперёд без страха, боли и намёка на порядок, бросая в массированные танковые и пехотные наступления необученные нечеловеческие отребья.

На четвёртый день штурма корректировщики сообщили о первом появлении закованных в железо космодесантников, возвышающихся среди полчищ еретиков. Одного только слуха о Железных Воинах хватило, чтобы в столовых и караулках внутри бастионных стен воцарилась гнетущая атмосфера.

Железные Воины прибыли, и теперь каждый гвардеец понял, что пришло время сражаться всерьёз.

Всего за одну ночь еретики-астартес возвели огромные земляные валы и начали продвижение к внешним куртинам, не сбавляя темп несмотря даже на приближающийся артобстрел. Техножрецы засекали дрожь от кротовых мин, неспешно роющих подкопы, а от шквала лэнс-ударов, градом бьющих по пустотным щитам, в воздухе появился характерный запах озона.

Целую неделю повсюду свирепствовали кровавые бои. Днём своры чёрных, напоминающих стрелы, бомбардировщиков засыпали городские улицы шипастыми фраг-зарядами и баками с зажигательными веществами. Ночью небеса озаряли шарящие лучи прожекторов и красные трассеры «Гидр»; и с каждым рассветом защитники видели, что насыпи Железных Воинов становились немного ближе к стенам.

Команды подрывников выбирались из лючков в усиленно бронированных «Химерах», непрерывно поливающих всё вокруг обжигающими лучами мультилазеров, и устремлялись к Железным Воинам, однако сначала им доводилось преодолеть заслон из рабов-сектантов, тормозивших атаку мелта-бомбами и взрывпакетами.

Немногие гвардейцы возвращались с таких заданий, но каждая вылазка замедляла неумолимое

наступление хотя бы на пару драгоценных часов. На пятый день солдаты у Западных ворот ощутили вибрацию от подбирающихся к стенам кротовых зарядов, и отряды местных жителей принялись рыть контрмины. Кадийцы запустили туда собственных подрывников, а затем затопили туннели Железных Воинов токсичной слизью и радиоактивным теплоносителем.

В полдень на пятые сутки противостояния под Северо-восточным бастионом сдетонировала кротовая мина Железных Воинов. Невероятной мощи взрыв поднял в воздух целую секцию стены, после чего та рухнула на землю грудой развалин. Взрыв, десятки тысяч культивистов хлынули вперёд. Массированной и свирепой атакой им удалось отбросить защитников назад и докатиться до утёсов из обломков. Некоторые сектанты начали взбираться по священным стенам касра, прежде чем их скосил шквальный огонь из лазерных винтовок и автопушек.

На шестой день ещё две мины взорвались возле Южных ворот, и там разгорелась ожесточённая битва, на этот раз врукопашную, поскольку еретики сумели преодолеть стены из каменных глыб, и их пришлось отгонять огнёмётными залпами и штыками.

Сражение затянулось до самой ночи, слившись в непрерывную череду штурмов то демоническими танками, то еретиками, то истребительными отрядами Чёрного Легиона, которые врвались в гущу боя, паля из болт-пистолетов и взмахами цепными мечами орошая стены кровью.

На седьмой день от некоторых участков стен остался лишь пепел и скалобетонные обломки.

Той ночью касркины из 94-го полка Рафа удержали линию, а на заре началось генеральное наступление противника — полномасштабная атака разъярённых завывающих мутантов, еретиков и тех, кого свело в безумие насилие и тьма.

В первую атаку отправилось десять тысяч Безымянных. Они полегли до последнего человека, срезанные безжалостными залпами из лазвинтовок, ураганными очередями тяжёлых болтеров и автопушек и точечными выстрелами уцелевших орудийных башен и бастионов. Еретики устелили землю ковром в десять трупов глубиной, прежде чем были вынуждены отступить, подвывая и изрыгая проклятья в сторону защитников.

Тем вечером кротовая мина добралась до арсенала внутри одного из скалобетонных бастионов. Бронированные стены помещения сыграли роль изолятора для взрыва, который вырвался сквозь дверь и амбразуры, прежде чем разнести древнюю крепость на куски. Пустотные щиты замерцали и отключились. Последовавшая бомбардировка с орбиты и массированные штурмы обрушились на стены касра, на юге ограниченного берегами реки Мирак, одновременно со всех сторон.

Утром восьмого дня чемпион банды Чёрного Легиона по имени Друксус Гибельный велел обстрелять защитников в упор из «Поборников». Как только кадийцы отступили, отряды Друксуса ринулись по равнинной местности в «Лэндрейдерах», которые, с лёгкостью выдержав ураганный лазерный огонь, выехали на груды обломков.

Под задымленным небом захлестали огнёмётные струи. Едва болтеры срезали последнего гвардейца, откинулись штурмовые трапы, и по ним быстро спустились облачённые в силовые латы Чёрные Легионеры, которые тут же начали прицельно разить защитников масс-реактивными снарядами, с равной лёгкостью пробивавшими и панцирную броню, и бронежилеты, прежде чем взорваться внутри самих кадийцев.

Внезапный, выверенный и всесокрушающий удар смёл защитников с Южных врат и вынудил их отступить вглубь города. Шедшие позади астартес десятки тысяч еретиков устремились в погоню, и между ними завязались яростные и безжалостные рукопашные бои.

Генерал Шталь лично руководил обороной, окружённый элитными касркинами-телохранителями в панцирных латах. Какое-то время они сдерживали Друксуса, скидывая со стен терминаторов Чёрного Легиона, но затем в битву вступил сам военачальник Хаоса.

То был исполин в древнем боевом облачении, лысую голову воителя покрывали богохульные татуировки. В латниках чемпион Хаоса сжимал топор, потрескивающий синим огнём. Он заметил Шталя и указал на него рукой.

— За Кадью! — воскликнул генерал и ринулся на врага. Ему доводилось скрещивать клинки с лучшими кадийскими ударниками, и, вооружённый фамильным силовым мечом и верой в Императора, он чувствовал, что победа уже у него в кармане.

Первый его удар пропахал глубокую борозду в оплечье терминатора, второй срезал несколько слоёв абляционной брони — превосходный выпад, заставивший Друксуса на миг попятиться.

Но воитель Хаоса был старым ещё до того, как Шталь вообще родился на свет, и чтобы сразить его, требовалось нечто большее, чем какой-то силовой клинок. Он поймал лезвие ладонью, и, сжав её, с треском энергетических разрядов сломал оружие надвое.

Шталь не стал отступать. Он извлёк свой «разогретый» лазпистолет и остался стоять на месте.

— Во имя Бога-Императора Человечества! — воскликнул он, но Друксус лишь расхохотался.

— Ложного Императора, — прорычал чемпион Хаоса, отбрасывая осколки силового меча. Затем он схватил генерала за грудки и швырнул на землю.

Шталь с трудом поднялся на ноги и встал рядом с подбежавшими касркинами.

Друксус убил их всех взмахом топора, разрубив Шталя напополам.

После прорыва стены и гибели командира каср Мирак, по меркам Чёрного Легиона, можно было считать павшим. Железные Воины, Чёрные Легионеры и элитные подразделения смертных отправились на следующую осаду, оставив город на растерзание свихнувшимся ордам еретиков и культистов.

Безнадёжно уступая врагам в численности, кадийцы блок за блоком отходили назад. Попутно они наносили неприятелям колоссальные потери, но те для них не значили ровным счётом ничего.

Когда начался последний штурм, Раф находился на Западных вратах. Его полк, 94-й, Братья Смерти, развернул множество тяжёлых болтеров, образовав вокруг своего бастиона широкие зоны поражения.

— Никогда! — заорал он вскоре после начала генерального наступления еретиков. Их способ вести войны вызывал у Рафа омерзение. Они полагались на безумную, звериную свирепость. Им не доставало ни обучения, ни дисциплины. И, что хуже всего, они побеждали.

Следующие штурмовики ринулись на приступ спустя несколько минут, с тем же, впрочем, успехом. Капитан ругался и кричал, пока враги палили по ним напропалую, бездумно расходуя боеприпасы. Вражеские трупы перед воротами, где занимал позицию Раф и его люди, лежали в шесть слоёв, когда

капитана достигли вести о прорыве южных стен.

Кадия не была планетой — то была крепость планетарного масштаба, возведённая с учётом естественной географии для создания эшелонированной обороны. Её города, известные как касры, представляли собой твердыни с гарнизонами в сотни тысяч бойцов, и проектировали их не для комфорта жителей, но как зоны поражения для захватчиков. Рыночные площади и закутки улиц перекрывались бункерами, редутами и укреплениями. Их строили из соображений, что им предстоит держать оборону месяцами, а если потребуется, то и годами. Давно покойные архитекторы Империи не делали никаких послаблений ни ради уюта, ни во имя красоты. Любая атака должна была завязнуть среди туннелей, извилистых дорог, цокольных блокгаузов, нависающих сооружений с дзотами и огневыми точками, встроенными прямиком в жилые комнаты, концертные залы и столовые.

В них было полно бункеров с боеприпасами, спрятанных под пекарнями и жилыми блоками; домов с усиленными опорами и амбразурами вместо окон; а ещё там было немало бастионов с посадочными площадками на крышах, и крыши эти были из настолько толстого скалобетона, что пробить их можно было разве что мощнейшим артобстрелом.

— Отходи в город! — прокричал Рафу его командующий офицер. — Заставь их дорого платить за каждый дюйм! Ты понял?

Это был последний приказ, полученный Рафом от старшего по званию. Отныне он стал сам себе хозяином.

Едва ли что-то ещё смогло бы раззадорить его сильнее.

Глава третья

Площадь Статуй

Последние шесть дней рота Рафа базировалась на южной стороне площади Статуй. Располагавшиеся там монументальные сооружения предоставляли достаточно хорошую защиту от налётов с воздуха, но ещё они имели символическое значение. Кадийцы, несмотря на продолжающиеся атаки, держались.

Полевой госпиталь занимал узкую щель между музеем и залом ветеранов. Морагу Герану пришлось повернуться боком, чтобы забраться в нишу. Там он, наконец, опустил Минку с нежностью, совершенно не соотносившейся с его размерами.

До войны Минка знала об огринах только то, что они были огромными недолюдьми, чья сила с лихвой окупала недостаток интеллекта. Но кем-кем, а глупым Герана назвать было нельзя. Его широкий рот и тупые коричневые клыки не придавали ему особо человеческого вид. Говорить на готике огрину, по всей видимости, давалось с большим трудом, как будто ему приходилось переводить всё сказанное с рыков на слова, однако разноцветные глаза Герана — один карий, второй голубой — говорили громче его голоса.

— Нинка. Нинка, — продолжал он повторять её имя. Хмуря лоб, он уставился на неё полным сострадания и беспокойства взглядом.

— Я в порядке. — Минка осторожно поднялась на ноги. Всё её тело болело. В голове всплыли

воспоминания: взрыв, тьма, валяющийся в пыли Йегор.

— Фрекк, — пробормотала она. — Там был стаббер.

Геран едва ли не застенчиво пихнул ей в руки тот самый стаббер вместе с магазином.

— Я его взять, — сказал он и отодвинул назад затвор. Тот лязгнул с приятным звуком поданного в патронник снаряда. Огрин показал ей тупые побуревшие зубы. — Работать! — с ухмылкой произнёс он.

Минка выдавила улыбку. Получилось не очень.

— Я убивать за Йегора, — заявил Геран.

— Хорошо, — ответила девушка.

Шестьсот бойцов из роты Рафа — вот и все, что осталось от тех ста тридцати тысяч человек, которые защищали каср Мирак на протяжении ста восьми дней осады. Шестьсот мужчин, женщин и детей по последнему подсчёту, проведённому два дня назад. Два дня непрерывного отступления, в результате которого они оказались на южной стороне площади Статуй.

Они были ударниками, в большинстве своём из 94-го, 45-го, 772-го и 87-го, набранных в самом каср Мирাকে, полков. Но были среди них и другие — белоцитники вроде Минки, гражданские, и выжившие из других подразделений, которые прибыли сражаться на Кадии, части, некогда исчислявшиеся тысячами, а ныне насчитывавшие всего горстку человек.

Тем утром кадийцы не сдали руины между площадью и рекой, берег которой был плотно застроен жилыми блоками, складами и пусковыми башнями. Они продержатся ещё с месяц, прежде чем их истребят окончательно. Или даже меньше, если Безымянные продолжат наступать в прежнем духе.

Враги обрушивались на них всеми силами вот уже пятнадцать дней кряду, орды еретиков вздымались, накатывали и отступали обратно подобно морским волнам. Новая атака как раз начиналась, когда медике Роун обработал раны Минки, после чего та отряхнулась от пыли и отправилась к баррикадам на южной стороне заблокированной улицы.

Девушка выглянула из заложенной мешками с песком двери и увидела, как на широкую магистраль Имперских шествий выходят первые Безымянные. Минка поднесла карабин к ноющему плечу и скривилась от боли. Двадцать, потом пятьдесят, и внезапно их стали сотни, сплошная стена тел с топорами, дубинами и щербатыми ножами. Они прицелилась, выстрелила и скривилась, а затем прицелилась снова.

Рота Рафа заняла позиции вокруг неё. Гвардейцы ложились за амбразурами, заседали в обложенных мешками с песком оконных и дверных проёмах и прятались среди руин, пока Безымянные неслись по открытой местности.

Еретики бежали вперёд с диким воем и выкашивались анфиладным огнём тяжёлых орудий, укрытых в боковых зданиях на Золотой и Музейной улицах. Минута за минутой, час за часом, они всё продолжали прибывать, до тех пор, пока плечо Минки не превратилось в один сплошной синяк, палец, жавший спусковой крючок, не ныл от боли, пока она не стала хотеть — молиться — чтобы всё это поскорее закончилось.

— Не стрелять! — внезапно закричал Раф. — Не стрелять!

Минка остановилось, и гвардейцы один за другим опустили винтовки. Однако Безымянные по-прежнему падали, и внезапно девушка увидела то же, что капитан. Враги гибли от выстрелов сзади.

— Думаете, пришли подкрепления? — спросил сержант Таави.

Раф кинул в него испепеляющий взгляд. Никаких подкреплений не ожидалось.

— Силы Хаоса понимают только силу. Это значит, что Безымянных гонит вперёд кто-то побольше и покрепче. И нам нужно узнать, кто именно... — Он многозначительно посмотрел на Таави.

Пятью минутами позже сержант сидел в канализационной трубе вместе с пятью отобранными им бойцами. Он опустил нож за голенище ботинка и кивнул остальным членам своего временного отряда: Тео, Малфред, Улант и Делант.

— Не следовало вам открывать рот, — заявил Делант.

— Не следовало вообще вступать в Гвардию, — хохотнул Таави. Он вырос в каср Мираке, и если ему судилось умереть, то казалось уместным, чтобы это случилось здесь.

Он хорошо знал местную канализацию. Это входило в кадетскую программу обучения — изучить город сверху донизу — и до войны Таави водил дружбу с миленькой кадеткой, жившей в одном из блоков поблизости. Они частенько спускались в канализацию вместе, пока он не отбыл с планеты. Её звали Алёна. Всего на миг сержант как будто снова почувствовал её запах, несмотря на витавшую вокруг вонь дыма и пепла. Таави проверил, на месте ли граната в патронташе. Он нашёл её утром у трупа другого кадийца, и похлопал по ней на удачу.

Раздался сигнал Рафа — два, и после недолгой паузы, ещё три быстрых стука пальцем по вокс-бусине.

Таави поочередно кивнул каждому бойцу. Его дробовик был заряжен всеми оставшимися патронами. Сержант мысленно помолился Золотому Трону, а затем резко откинул деревянную крышку.

Миниатюрные размеры никогда не доставляли Белаггу Гракку проблем. Ратлинг, размерами не превышавший ребёнка, мог пробираться в щели, недоступные обычным людям. Он поднимался всё выше, этаж за этажом, пока не оказался в спальне некогда хорошо обставленного жилого блока на южной стороне площади Статуй. Широкие половицы из бледного дерева усеивали вырванные страницы книг. Возле треснувшего шкафа валялась посеревшая от пепла и пыли одежда. В стене зияла дыра, пробитая ракетой, а в самом помещении стояла прогорклая вонь взрывчатки. Ратлинг лёг на пол, тяжело дыша, подполз к окну и высунул перед собой снайперскую лазвинтовку.

Внизу аж до самой Евфратской тянулись колонны еретиков. Прильнув к прицелу, он стал искать цель. Вот — командир танка в хвосте колонны, стоящий в башне и машущий водителю позади него.

Белагг сделал три долгих, медленных вдоха, чтобы унять дрожь в руках. Взял голову еретика в перекрестье прицела. Далекое туловище отлетело назад от меткого попадания луча. Колонна замедлилась, пока солдаты принялись озиаться в поисках снайпера.

Ратлинг навёл оружие на сержанта, шагавшего рядом с танками и жестами что-то яростно показывавшего своим людям. Он открыл огонь снова, и точный выстрел в голову мгновенно свалил еретика с ног. Теперь колонна встала уже окончательно, и он отыскал следующую цель. И выстрелил.

Таави в мгновение ока поднялся и выскользнул наружу, присев в коридоре жилого блока. Во тьме, где следовало находиться двери, виднелась фигура. Он дважды выстрелил. Услышал тихий стон, достал гранату. Двинулся дальше.

С улицы загрохотали выстрелы. На него прыгнула тень. За секунду он оказался верхом на человеке, после чего вмазал прикладом в лицо еретика. До него донёлся хруст ломающихся костей и зубов.

Таави кинулся навзничь, и штукатурка у него над головой разлетелась от выстрелов. Голоса врагов звучали резко и чужеродно. Сержант прижался к стене и метнул взгляд в выбитое окно. О стену снаружи залупили лазерные импульсы. От задымившейся рамы во все стороны полетели щепки. Таави почувствовал отдачу от попаданий даже сквозь стену. Он выдернул чеку, сосчитал до пяти, и швырнул гранату на улицу.

— Крак! — крикнул он за миг до взрыва, наполнившего всё снаружи осколками.

Таави бросился в окно и приземлился на улице. Он выстрелил из дробовика с одной руки, попав еретика точно в лицо, а другой вырвал автомат из рук умирающего противника.

Таави был кадийцем. Он научился отнимать оружие раньше, чем стал дотягиваться до дверной ручки. Дети на Кадии умели делать это с закрытыми глазами. По весу и балансировке сержант сразу определил, что у него в руках.

Автоматическая винтовка. Модификация М40, Армагеддонская модель. Барабанный магазин. Тридцать пуль. Пробивная штука.

Таави крутанулся, уже зажимая спусковой крючок. Он дал пару коротких очередей, откинув троих еретиков к дальней стене. Одного он уложил выстрелом в корпус, другого отбросило в сторону попаданием в голову.

Сержант пригнулся, продолжая стрелять под шквалом прошивающих воздух пуль и лазерных лучей.

Из-за угла выскочил боец в красной униформе, и, занеся топор, бросился на Таави. Автомат в руках кадийца содрогнулся, выпустив в грудь еретика несколько пуль. Враг заплясал, словно кукла на ниточках. Величественный момент избыточности.

Еретик свалился в паре футов от него, и увенчанная шипами каска лязгнула о скалобетонный пол. Таави пригнулся и перевернул тело. На его воротнике были вышиты две переплетённые литеры, ВК.

— Раф, — прошипел он в вокс-бусину. — Контакт. Угадай, кто в городе?

— *Сёстры Нашей Девы-Мученицы*, — отозвался Раф.

— Если бы. Волсканские катафракты.

Раф невесело хохотнул.

— *Чудесно. А теперь выбирайся оттуда.*

Сержант повёл своих людей обратно к входу в канализацию.

Тео отходил последним. Таави собирался последовать за ними, как вдруг ощутил вибрацию под ногами. В дальнем конце Имперских шествий из боковой улицы показался узнаваемый силуэт «Лемана Русса», изрыгающий в воздух густые облака чёрного прометиевого дыма. Танк развернулся на гусеницах и

выехал на магистраль. За ним появилась следующая машина, и ещё одна, и реявшие над ними знамёна из человеческой кожи влажно захлопали, когда они быстро покатались в его сторону.

— У них танки, — провозгласил он.

— *Сколько?*

— Ну, я увидел шесть.

Раф выругался.

— *Будет весело.*

В юго-восточном углу площади Статуй находились руины жилого блока. Остальной ряд состоял из монументальных сооружений: громада зала ветеранов, а рядом с ним — музей Сопrotивления, в котором находилась часовня Святых Мощей. Фасады зданий выходили на площадь, и по треугольному фронтому музея строевым шагом маршировали фигуры кадийских солдат из белого мрамора.

Огромные строения обеспечивали гвардейцев укрытием в виде сплошной стены длиною в сто пятьдесят ярдов, однако с танками правила игры кардинально менялись. Высокие своды и массивные блоки не защитят от пушек. Один выстрел, и стены сложатся прямиком им на головы. Впрочем, это их не остановило — защитники всё равно выползли на позиции, приготовившись встречать танковые колонны волсканцев.

Минка взбежала по широким ступеням музея. Во внутреннем холле царили мрак и запустение, повсюду валялись обрывки бумаги, упаковки из-под пайков и осколки камней. От каждой из трёх дверей расходились галереи, ведущие в разные концы здания.

Выставочные экспонаты танков, снаряжения и медалей были спрятаны в подвалы или взяты на битву. Внутри остались только пустующие пьедесталы, манекены в униформе — ныне сваленные у стены — и посечённые в боях знамёна каср миракских полков.

Она услышала крики из дальнего конца музея, где из бойниц и окон открывался отличный вид на юг, откуда наступали волсканцы. Девушка направилась в зал кастелянов, где двое бойцов из отделения Конна заряжали ракетную установку. Остальные заняли позиции у забаррикадированных окон — уже стоящие наизготовку, чтобы сделать пару выстрелов и мигом нырнуть назад.

Геран находился в дальнем конце зала, присев за тяжёлым стаббером. Огрин, высунув язык, сосредоточенно вставлял в оружие новую патронную ленту.

— Помочь? — крикнула Минка, но огрин, рыкнув, наконец справился с кропотливой задачей. Вскинув стаббер одной рукой, он открыл по улице шквальный огонь, после чего ухмыльнулся.

— Ты со мной?

Минка кивнула. Она встала у окна напротив и быстро выглянула наружу. Волсканские танки шли по дороге колонной по одному. В голове двигалась «Химера», развернув мультилазер на сорок пять градусов влево. Выстрелы вспыхивали короткими очередями по три красных луча. Командир танка стоял в куполе. Минка трижды выстрелила. Мимо. Девушка выругалась и сделала ещё выстрел, но к тому времени батарея села окончательно.

Фрекк, ругнулась она. Пока кадийка рылась в карманах, ища новый аккумулятор, из окна музея взвилась ракета и попала бронетранспортёру в нос.

Из машины повалил густой белый дым, а через секунду башню «Химеры» сорвало в облаке ревущего жёлтого пламени. Минка загнала свежую батарею на место, но к тому времени «Химеру» оттолкали в сторону, и на улице появился легко различимый силуэт «Лемана Русса» типа «Разрушитель».

Танк развернулся на гусеницах, наведя неподвижное орудие на заднюю стену музея Сопrotивления. Отряды волсканцев хлынули в атаку. Геран накрыл их ливнём свинца из тяжёлого стаббера, прежде чем послышался громкий лязг опустевшего магазина. Огрин в смятении посмотрел вниз, и в этот момент «Леман Русс» с глухим рокотом выстрелил. Снаряд попал в крыло святой Иосманы. Через открытую галерею Минка увидела, как здание тряхнуло будто до основания, прежде чем его фасад рассыпался грудой щебня.

Дымящийся ствол «Разрушителя» повернулся как раз туда, где стояла Минка. Волсканцы уже начали карабкаться по обломкам внутрь музея, поэтому ей пришлось схватить огрина за локоть обеими руками.

— Пошли, — закричала она. — Быстро!

Глава четвёртая

Музей Сопrotивления

Белагг понимал, что ему следует отступить, но волсканский знаменосец шёл, не замечая опасности, а такие мишени были предпочтительней всего. Он прицелился и выстрелил, замерев, чтобы понаблюдать за попаданием. Стяг упал за кучей руин.

Между этим зданием и следующим находился перекидной мостик. Придерживаясь одной рукой, ратлинг пересек короткий участок под открытым небом, прежде чем упасть в укрытие внутри уже другого строения. Он продолжил двигаться, спустившись ещё на два этажа, пока не оказался среди развалин через дорогу от зала Ветеранов.

Он пошёл быстрее, спеша по длинному коридору, засыпанному листьями словно осенний лес — листвой. Снизу доносился рёв и крики. Они мало его заботили. Снайпер действовал на совершенно другом уровне. Он убивал издали, а, выполнив задачу, незаметно скрывался.

Внезапно Белагг ощутил, будто за ним наблюдают. Он оглянулся, но не увидел ничего, кроме длинного пустого коридора, открытого небу. Там была лестница, ведущая на улицу, однако волсканцы наступали очень быстро, поэтому он решил воспользоваться другим надземным переходом, чтобы вернуться назад в блок Тайрок.

Снова это чувство.

Он обернулся, теперь уже быстрее, и опять ничего.

Но у Белагга имелись инстинкты, и теперь его сердце отвечало на тревогу настойчивым стуком. Он вытер вспотевшие руки, присел и внимательно осмотрелся по сторонам. Затем ратлинг бросился вперёд, но тут же врезался в гигантский саботон из глянцевой иссиня чёрной брони. Снайпер так и не понял,

как нечто столь большое и тяжёлое смогло подкрасться к нему незамеченным, однако в своей жизни он повидал много чего, чтобы сразу узнать силовой доспех.

Как-то раз ему довелось увидеть Адептус Астартес, в ходе кампании на Харгале Прайм, когда он лежал на верхних ветках кораллового дерева под небом, заполненным горящими инверсионными следами. Десантная капсула упала в пятидесяти футах правее от него. Она пробилась сквозь окаменевшие ветви и пропахала длинную чёрную полосу в коралловом столбе. Одна дверь не распахнулась, однако все остальные разом откинулись, и из них в мгновение ока выскочило десять космодесантников в золотых латах, тут же разбившихся на два отряда и без колебаний кинувшихся в бой.

Белагг наблюдал за ними, не в силах отвести глаз. Адептус Астартес не брали ни топоры, ни выстрелы из примитивного баллистического оружия. Он едва не закричал оттого, насколько красиво и слаженно они действовали. Затем один из воинов повернулся в его сторону, и, заметив позицию снайпера, вскинул болтер.

Ратлинг оцепенел от ужаса, поняв, что вот-вот умрёт. Однако космодесантник замер, после чего кивнул ему, как бы говоря: «мы с тобой на одной стороне, маленький воин».

Это воспоминание всплыло в уме Белагга, пока он медленно поднимал глаза на огромный силуэт перед собой, скользя взглядом по поножам, наколенникам, паху, кабелям, груди и, наконец, голове. Их покрывали изображения, которые было сложно рассмотреть, однако он заметил натянутую поверх наплечника влажную бледную кожу, и по дырам в ней понял, что прежде *она* принадлежала человеку. Затем его взгляд достиг лица воина, и ратлинг тут же об этом пожалел.

Волсканские катафракты хлынули в дыры в стене музея, последовательно зачищая каждый зал огнемётами и гранатами, прежде чем ринуться на штурм следующего помещения. Минка была с отделением Конна и Гераном, отступая по галереям в сторону главного холла.

Геран, шедший замыкающим, размахивал стаббером словно дубиной, однако огрин истекал кровью из десятка ран. В последний раз Минка увидела его стоящим в двойных дверях, как вдруг комнату захлестнули длинные струи пылающего прометия. Волсканцы находились в считанных ярдах позади.

Выстрел оцарапал ей оплечье, и она без промедления бросилась в дверь. На фоне пламени тёмным силуэтом вырисовывался солдат-волсканец. Минка нырнула и побежала на него. Отчаяние придало ей сил больших, чем она вообще подозревала. Девушка загнала штык еретику в живот. Если тот и закричал, то она этого не услышала.

К ней покатилась граната. Конн что-то ей закричал.

Кадийка кинулась навзничь за миг до детонации. По телу резко растеклась горячая острая боль. Она подняла руку и увидела, что та вся в крови.

Раздался глухой свист, а затем галерею, в которой она только что находилась, сотряс мощнейший взрыв. Повсюду взвивалось пламя и сыпалась пыль. Минка окончательно потеряла ориентацию в пространстве. Из дыма возникла фигура. Раф. Капитан подтянул её к себе и закричал в ухо.

— Отходи по площади!

Ещё один снаряд ударил в тридцати ярдах справа. Минка снова оказалась на полу, выплёвывая изо рта пыль. Раф вздёрнул девушку обратно на ноги. Та повисла в своей не по размеру подобранной форме,

пока капитан держал её одной рукой над землёй. Он посмотрел ей в глаза, удостоверившись, поняла ли его та.

— Уходи! Бегом! — крикнул он ей, когда очередной выстрел прошёл стену музея.

Космодесантник смотрел на Белагга сверху вниз. Гигант носил плоский синий шлем с узорными медными вставками и тянувшимся с обеих сторон шипящими трубками, а на его тёмно-синей броне плясали отблески света. Его глаза были красными, цвета тлеющих углей в тёмной комнате, излучающими жар ненависти и жестокости. Руки ратлинга непроизвольно затряслись. Он выронил длиннолаз и в отчаянии пополз назад.

Он понимал, что оказался в ловушке. У него будет больше шансов выжить, выпрыгнув из здания, чем оставаясь здесь с этим монстром. Первобытный, звериный инстинкт твердил ему, что разбиться о землю станет для него куда более быстрой и лёгкой смертью.

Великан протянул к малышу руку, но Белагг извернулся, и, обернувшись, выбросился в окно.

Он успел заметить, как к нему стремительно несётся Часовенная улица. Пока он падал, в памяти начали всплывать разные эпизоды из жизни. Белагг пожалел о том, что в своё время не убил больше еретиков. Он сожалел о многом. И всё же в первую очередь ратлинг чувствовал ликование оттого, что спасся от лап жуткого чудовища.

Падение с восьмого этажа завершится пусть и кровавой, но мгновенной смертью. Для рядового бойца Астра Милитарум перспектива такой лёгкой гибели была едва ли не лучшим, на что мог рассчитывать воин.

Утешая себя этим фактом в последние мгновения жизни, Белагг совершенно не думал о законах физики. Кроху не заботило то, что скорость его падения зависела от плотности атмосферы планеты. Скорость определялась массой предмета и его сопротивляемостью воздуху.

Всё это ратлинга уже не волновало. Ещё пару секунд, и он будет мёртв.

Скорость определялась массой предмета и его сопротивляемостью воздуху.

Этот урок Повелитель Ночи, Ассерб Криг, усвоил тысячи лет назад.

Он ждал ратлинга внизу здания, подобно ребёнку, готовящемуся поймать сброшенную из окна игрушку. Он словил существо одной рукой, и, резко вскинув, поднёс к своему лицу.

Внутри шлема безгубый рот Повелителя Ночи растянулся в улыбке.

— Нет, — сказал Ассерб закричавшему ратлингу. — Ты не умер.

Выдержав долгую, приятную паузу, космодесантник добавил:

— Пока.

Таави глубоко вдохнул, когда стену жилого блока вышибло наружу. Волканская техника пробивала себе путь к ним с трёх направлений сразу. Из облака пыли и обломков возникли грубые, исцарапанные и

толстые лобовые плиты «Разрушителя», башня которого уже разворачивалась к бункеру. У его отделения не было ничего, способного навредить зверю.

Разве что...

— Я его починил, — прошипел гвардеец Роулин, сжимая в руке мелта-ружьё. Это оружие они нашли по пути, но какой-то фрекков еретик попытался приладить к нему батарею от «Ризы», которая этой модели совершенно не подходила.

— Точно?

— Точно, — состроив гримасу, ответил Роулин.

— Я с тобой, — сказал Таави. Сверху послышался грохот вновь заговорившего тяжёлого болтера. Короткие, прицельные очереди. Расчёт берёт боезапас.

Тупой нос «Разрушителя» показался снова. Роулин кинулся на землю, прицелился и выстрелил. От выпущенного перегретого луча задрожал сам воздух, и Таави ощутил, как лицо омыла волна жара. Луч прожёт в броне танка небольшую аккуратную дыру, забрызгав внутренний отсек каплями расплавленного металла.

Взрыв обрушил на них стену. Что-то врезалось Таави в ногу. Сержанту показалось, будто его огрели кувалдой. Трон! Он попытался выдернуть ногу.

Послышался хруст шагов по щебёнке.

Волсканцы. Таави потянулся за лазвинтовкой. Какая глупая смерть, подумал он. Придавленный завалом.

Охотник встал над ним.

— Ты остаёшься? — спросил он.

— Раф? Откуда ты взялся?

— Разве я мог бросить это? — Капитан помахал перед ним мелта-ружьём.

— Роулин?

— Мертв. Сможешь выбраться?

— Если отодвинешь камни, — сказал Таави.

Раф упёрся плечом в подставленный металлический прут и приподнял упавший обломок, позволив сержанту высвободить ногу.

— Сломана?

— Не думаю, — ответил тот.

— Хорошо, — произнёс капитан. — Возьмись за плечо.

Рота Рафа отступала по площади так быстро, как только могла. Некоторые пробирались через боковые улочки, другие пытались прятаться за рядами почерневших древесных стволов.

Сержант Таави ковылял назад. Вместе с ещё пятнадцатью бойцами он укрылся посреди площади среди развалин общественной уборной. Там он вышиб в стене небольшую дыру, откуда ему открылся обзор на юго-восточный угол площади Статуй. Волсканцы продвигались через воронки и колючую проволоку, шли по трупам и обугленным, засыпанным землей танкам и транспортникам, вылезали из заложенных мешками с песком окон, дверей и канализационных выпусков. Таави дал короткую очередь, едва первые волсканцы ворвались на площадь.

Они позволили противникам войти в зону поражения, после чего дали по ним залп из всего, что было. Пару сотен бойцов обрушили на волсканцев настоящий шквал огня. Площадь озарилась росчерками лазеров, выстрелами из автопушек, очередями тяжёлых болтеров и взрывами гранат.

Слаженная стрельба кадийцев валила еретиков десятками.

Волсканские пехотинцы бросались в атаку ещё дважды, и каждый раз откатывались, умывшись кровью. Бойцы Рафа знали, что рано или поздно будут отступать через площадь, поэтому приняли все необходимые меры заблаговременно, так что когда впереди показались вражеские танки, они были готовы. Головные машины разлетелись на части от попаданий из лазерных пушек и закинутых взрывпакетов, и после свирепой перестрелки танковые колонны вынужденно встали.

На следующее утро линия фронта сместилась к северной части площади Статуй.

Медике Роун разложил свои инструменты и выметал грязь из нового полевого госпиталя, когда к нему вошёл Таави. Врач выглядел постаревшим лет на десять.

— Сержант, — вместо приветствия сказал он. — Как тебе мой новый медпункт?

Таави обвёл взглядом ряд грязных матрасов, найденных среди руин и теперь разложенных на сером мраморном полу. Роун указал на мягкое, оббитое бархатом кресло. Таави присел, опустив руки на полированные подлокотники.

— Итак, — сказал Роун, осматривая кровь и рану. — Твоя нога.

— Ага. На меня упала стена. Даже не догадывался, что меня подстрелили, пока не увидел дырку. — Лазерный импульс прожёт в его штанине аккуратную круглую дыру диаметром с палец. — Без понятия, когда именно, — добавил сержант.

Он растегнул штаны и спустил их до колен. Кожа его выглядела бледной на фоне тёмной корки запёкшейся крови и подпалины от ожога.

При виде раны Роун с шумом втянул воздух.

— Выглядит чистой, — наконец сказал он. — Бедренная артерия не задета.

Таави кивнул.

— Я буду жить, доктор?

Роун поднял глаза и усмехнулся.

— Ну, от таких ран не умирают.

У медика не было чем перевязать рану, однако он всё же присыпал её антисептическим порошком,

после чего обмотал куском прокипячённой ткани, срезанной из кадийской шинели.

— Вот, — сказал Роун, пока Таави натягивал штаны обратно. — Как новенький. А теперь проваливай отсюда.

Таави выбрался на улицу. Измотанные выжившие укрывались среди руин, пока над городом расплзался серый рассвет.

Рота Рафа организовала новую линию фронта вдоль северного края площади, где скалобетонное укрепление поднимало основания богатых жилых блоков на двадцать футов над уровнем земли. Капитан устроил новый штаб в подвале под отделанной дубом гостевой комнатой отставного генерала. На стенах висели старые портреты военных, над узорным медным камином болталось разбитое зеркало, а в центре стоял распоротый кожаный диван, чья набивка валялась по всему полу.

Сержант нашёл Рафа на передовой, где он как раз оглядывал площадь. Волсканцы закреплялись в зданиях, которые ещё двадцать четыре часа назад служили домом кадийцам. Половина музея обрушилась. Еретики сорвали аквилу с фасада зала Ветеранов, а также сбросили марширующие статуи на фронтоне, которые теперь валялись разбитые вдребезги на широких ступенях перед музеем.

Таави различил фигурки в красном. Их были сотни.

— Почему они не атакуют снова?

Раф не знал.

— Силы Хаоса легко отвлекаются.

Повисла долгая пауза. Сержант пристально посмотрел ему в глаза.

— Сколько погибло?

— Сто сорок шестеро.

Он боялся, что будет больше.

Раф перечислил пропавшие отделения.

— Рендала и его людей раздавило в музее. Отделение Чилда окружили в зале Ветеранов. Они добрались до нас быстрее, чем я думал. — Капитан помолчал. — Как нога?

— Похоже, буду жить.

Раф рассмеялся.

— Ты ел?

Сержант покачал головой. До этого момента он даже не вспоминал о еде, но теперь его живот урчал от голода.

Капитан повернулся к нему.

— Сходи, перекуси что-нибудь.

Минка почувствовала запах стряпни, когда Ганнел с Малфредом поставили на огонь котелок с тушёным мясом.

Они расположили кухню за следующей дверью, в отделанной деревянными панелями библиотеке, чьи фолианты по военной истории послужили отличной растопкой для костра. Ганнел лишился руки, которая теперь заканчивалась под локтём. Кукля была забинтована, и гвардеец остро ощущал отсутствие конечности, постоянно срываясь на ругань при попытке сделать что-то одной рукой.

Оливет поставил вокс в штабе Рафа. Он был молодым парнем, как и она, начавшим войну в качестве белошитника. Оливет поднял глаза, заметил Минку, и на миг потерялся со словами.

— Значит, — начал он. — Йёгор мёртв?

Минка кивнула.

Оливет состроил гримасу.

— Мне жаль.

Девушка опустила глаза. Казалось, Йёгор умел целую жизнь назад. Она не могла понять, почему он до сих пор говорил о нём, но затем вспомнила, что кралась по разрушенной схоле меньше дня назад.

Минка встряхнулась. Оливет настраивал вокс-станцию на канал лорда-кастеляна.

— Сколько ещё? — спросила она.

Оливет сверился с хронометром.

— Пять минут.

Юная кадийка кивнула.

— Тогда я посижу здесь, — сказала она и опустилась на пол, опершись спиной о стену.

На неё упала тень, а затем Раф постучал ей по каске.

— Выше нос, — бросил он.

Минка надвинула шлем на лицо. Из вокса полился «Цветок Кадии».

— Подкрути звук, — сказал капитан, когда мелодия стихла, и тишина сменилась голосом Крида.

— *Люди Кадии. Братья по оружию, воины. Вы спрашиваете меня, чего я от вас хочу. Я вам отвечу. Но, сначала, хорошие новости. Наши силы наступают по многим фронтам. Мы тесним врага... — Крид перечислил подразделения, битвы и небольшие победы, доклады об отступлениях противника, уничтоженных бригадах, достигнутых целях. — Но, братья и сёстры, мне нужна ваша помощь.*

— *Мы встретили чудовищное зло с решимостью, смелостью и верой несгибаемого Имперуума Человечества! Мы насадили врага на свои шипы — так давайте удержим его на них, пока Имперуум готовит контратаку, которая сметёт его с лица земли!*

Под конец передачи Крид заговорил с растущим вызовом в голосе.

— *Вот о чём я вас прошу. Я прошу вас давать отпор врагу всеми своими силами. Сражаться с ним до*

последнего. Не сдавать ни пяди земли, если только так вы не сможете нанести противнику больше ран. Не питайте надежды, ибо в надежде кроется отчаяние!

И в самом конце лорд-кастелян мрачным голосом изрёк два слова:

— Кадия стоит!

Минка повторила их одними губами. Но если кадийцы и впрямь теснили неприятеля, тогда почему защитники каср Мирака сражались без поддержки?

В этом не было никакого смысла. Минке казалось, что они проигрывают. И проигрывают разгромно.

Она подняла голову, и увидела глядящего прямо на неё Рафа. Аугментическое око капитана горело тусклым красным-светом, таким же зловещим, как само Око Ужаса.

Элизионские поля

Зуфур Таинственный мало беспокоился тем фактом, что остальная банда сражалась у стен каср Крафа. Их гнев и ярость стекали с него подобно маслу, или человеческой крови. По крайней мере, так он себе говорил, но, слыша сквозь шлем их крики и проклятья, их клятвы о кровопролитии, рывканье болтеров, Зуфур чувствовал, как чаще бьются его сердца, как грохочет пульс, а внутри, подобно паводку, поднимается звериная злоба.

— Где ты, Зуфур? — вызвал его по воксу Сикай Триждырожденный.

Только через шесть часов Сикай понял, что воины Таинственного отсутствовали на поле боя.

Он мог бы оскорбиться тем, что у капитана Чёрного Легиона ушло столько времени, чтобы заметить, что банда Зуфура не прорубает себе путь через руины третьей полосы обороны каср Крафа. Он услышал стон и биение цепного топора Сикая, на мгновение замедлившегося, прогрызая кость.

— Я нужен? — ответил Зуфур.

— Ты нам вообще не нужен, Таинственный! — рассмеялся капитан, после чего последовал рёв топора, снова и снова кромсающего мёртвую или умирающую плоть.

Зуфур проигнорировал оскорбление.

— Я оставлю убийства вам.

Сикай хохотнул снова.

— Как обычно.

Зуфур мысленно представил, как клыкастый рот капитана расходится в улыбке. Сражение на Кадии доставляло им удовольствие, подобного которому ни одному из них прежде не доводилось испытывать. Они чувствовали радость. Ликование. Триумф. Зуфур невольно сжал кулак. Жажда убивать одолевала его всё сильнее. Он прогнал мысль прочь. Зуфур Таинственный руководствовался более глубокими устремлениями, когда прибыл на Кадью. Впереди его ждал конец изысканий, на которые он потратил всю свою жизнь.

— У меня более важные дела.

— *Что может быть важнее убийств?* — поинтересовался Сикай. Зуфур услышал по воксу, как цепной клинок воина одобрительно взревел.

— Ты убиваешь топором, моё же оружие куда утончённей. Думаю, если бы ты подсчитал, то понял бы, что я убил на много миллионов больше, чем ты.

— *Снова болтовня, Зуфур. Возьми уже в руки топор! Поброди в крови своих врагов.*

Зуфур разозлился сам на себя.

— Сам броди. Я в их крови буду плавать.

При последних словах он заметил, наконец, лес.

— Ну вот, — произнёс Зуфур.

Существо, пилотирувавшее его корабль, раньше было человеком. Зуфур забыл, как его звали, но для его нужд он походил идеально. Всё, что ему потребовалось, это пару-тройку модификаций. Безмолвие входило в их число.

Пилот не пошёл на улучшения по своей воле. Впрочем, это не имело никакого значения. Зуфур не любил болтливых рабов. Теперь изо рта и глаз пилота тянулись рубчатые розовые трубки, его ноги были удалены, а руки заканчивались мясистыми щупальцами, исчезавшими в пульте управления кораблём.

— Приземляйся.

Челнок содрогнулся, начав снижаться.

— Туда, — указал Зуфур.

Щупальца пилота напряглись. В теле существа забулькали растекающиеся жидкости, и трубки у него во рту зашуршали друг о друга. Иногда Зуфуру казалось, будто те влажные звуки были словами. Следовало удалить ему заодно и гортань, с сожалением подумал Таинственный.

Челнок сел. Пилот что-то продолжал булькать, пусть даже его никто не слышал.

Банда Зуфура уже взяла участок под контроль. Он спустился по лесенке в кабине. Момент, которого Зуфур ждал десять тысячелетий, настал.

Последние десять футов Таинственный преодолел прыжком и приземлился в негустую траву. Он успел потерять счёт планетам, на которые ему доводилось ступать. Каждый мир ощущался под ногами несколько иначе, однако ни один из них не шёл ни в какое сравнение с Кадией. Её поверхность казалась твёрдой, но не хрупкой. Достаточно мягкой, чтобы на ней могли жить люди.

Он двинулся вперёд. Земля как будто съживалась под его поступью. Её ужас приносил ему такое же удовлетворение, как и страдания его пилота. Зуфур на секунду замер и поднял глаза. Там, вверху, внутри пурпурно-зелёного пятна Ока Ужаса, находился его дом. И то, что сейчас он был здесь, казалось ему восхитительным в своей неправильности. Он чувствовал себя заключённым рабом, который, обнаружив дверь камеры открытой, вышел наружу и оглянулся на дыру, в которой просидел так много времени.

И важно было не только то, что он был на Кадии. Он стоял здесь, на этом самом месте. Перед, так сказать, замочной скважиной, поскольку варп сдерживала вовсе не планета, а эти камни.

Зуфур перевёл взгляд на свою цель. Сооружения вздымались перед ним подобно лесу: каждое из них — уникальное, утончённое, совершенное. Творения искусства, да, но также источник мучений, ибо они держали Абаддона в оковах.

Зуфур из Чёрного Легиона изучал пилоны десять тысяч лет, но никогда не имел шанса прикоснуться к ним. До нынешнего момента. Он зашагал вперёд, трубки, ведущие в нос, наполняли его лёгкие сладким и тошнотворным стимулятором.

Пилон был бледно-серым, как мрамор. Он походил на четырёхгранный шип, уходивший перед ним ввысь на добрую сотню ярдов. Всего один из тысяч, наполнявших бескрайние равнины вокруг. Этот, однако, был надтреснутым, а на самом верху отсутствовал кусок макушки.

Зуфур подошёл ближе, выискивая тот самый.

Наконец, он нашёл нужный пилон: нетронутый, целый, идеальный.

Зуфур отсоединил от силовых доспехов латницу. Эти пилоны сдерживали варп ещё задолго до Ереси Гора. Болваны вроде Сикая пытались победить в войне против Империи Человека, убивая простых гвардейцев. Затея была такой же безнадёжной, как пытаться усмирить море голыми руками.

Люди рождались с такой же скоростью, с которой Сикай их убивал. Зуфур не был так же глуп. Он одним из первых перешёл на сторону Абаддона, одним из первых вступил в ряды Чёрного Легиона. Абаддон знал, что нужно сделать. У него было понимание — видение — которым больше не мог похвастать никто. Зуфур тешил себя тем, что смутно осознавал то, что Абаддон видел совершенно отчётливо. Их удары были направлены не в глотки людям или даже космодесантникам. Их целями становились города, миры, империя.

Зуфур не сомневался в успехе Тринадцатого крестового похода. Тем не менее, боги Хаоса славились своим непостоянством. На всякий случай он заберёт кусок пилон в свою архокузнию, чтобы вызнать секреты кадийских пилонов.

Он окинул взглядом идеальный пилон и прижался к нему рукой. Сквозь открытую ладонь в него хлынул поток тепла и энергии. Пилон пульсировал жизнью, подобно медленному, устойчивому сердцебиению. Он был крепким, здоровым, отзывчивым — превосходный образец. Зуфур испытал смешанные чувства облегчения, ненависти и такой сладкой мести. Вот чего он хотел.

Позади него по аппаратам спускались рабочие рабы.

Таинственный повернулся к их предводителю, аугментированному техножрецу, которого он забрал на Агрипине. Капюшон жреца был откинут, обнажая покрытую татуировками голову.

— Этот, господин? — склонившись, процедил он сквозь острые стальные зубы.

— Да, — выдохнул Зуфур, принявшись наблюдать за тем, как из челнока задом съезжают экскаваторы. Следом за ними по трапу с топотом спустились ментально порабождённые огрины, которые, сбившись в нестройную толпу, безвольно стали дожидаться распоряжений.

— Осторожней, — предупредил Зуфур жреца. — Чтобы ни одной царапины.

Экскаваторам потребовался целый день, чтобы дорыть до корней пилона. Его окружили краны на паучьих конечностях. Пилон обмотали тросами. Выдвинулись чёрные стрелы, и пара подъёмников, словно богомолы, медленно потянули и извлекли пилон из земли.

Следующий шаг имел ключевое значение. Именно сейчас, когда на пилон приходилось наибольшее напряжение, любые скрытые трещины или дефекты могли разбить трофей Зуфура вдребезги.

Он встал, наблюдая за тем, как кран неспешно опускает огромную конструкцию на платформу гусеничного тягача.

Предводители работников лихорадочно носились туда-сюда, крича и махая руками огринам, которые медленно и напряжённо то натягивали, то ослабляли тросы, то поправляли подставку для пилона.

Наконец, пилон опустился на место, и Зуфур ощутил, как его сердцебиение вновь замедлилось.

Он пристально следил за ходом операции, ни на миг не сомкнув глаз. Из вокса внутри шлема непрерывно доносился грохот сражения, но заметил он его только сейчас, словно насекомое, прежде тихо жужжавшее где-то вдалеке, неожиданно оказалось прямо возле уха.

Возгласы, крики, болтеры, цепные мечи, рокотание артиллерии, разносящей бронетехнику.

— Сикай? И скольких ты убил? — поинтересовался Зуфур.

— *Восемь тысяч семьсот сорок шесть*, — провоксировал в ответ тот.

— А город как, захватил?

На мгновение повисла пауза, в которой Зуфур различил слабые звуки творящейся бойни.

— *Уже скоро*, — наконец ответил Сикай.

Зуфур едва слышимо засмеялся. Рукопашная — до чего медленный способ победить в войне. Сикай и ему подобные были не более чем приманкой, чтобы отвлечь внимание защитников от реальной угрозы.

Землю впереди испещряли кратеры и шрамы войны, а вдоль края пилоновых полей огромные каменные сооружения были растрескавшимися и разбитыми.

Между руин прокладывал себе путь серый «Лэндрейдер». Оба борта машины украшали символы волчьих голов, а на штурмовых аппаратах находился знак скрещённых секир: персональная эмблема Белых Волков.

«Лэндрейдер» возглавлял охоту. Он свернул вглубь леса пилонов, и остальная стая последовала за ним: скачущие силуэты фенрисских волков, а за ними — вульфены, одни несущиеся во всю прыть, другие — перемещаясь по-обезьяньи, отталкиваясь от земли руками как будто лапами.

Рота Белых Волков казалась карликами на фоне громадных конструкций. Они спустились в глубокую воронку сотню ярдов шириной, по разлетевшимся камням от разбитого пилона, и там увидели противника.

Вожак — Оттар Белый — восседал на рычащем громовом волке. Он возглавлял стаю, его огромный топор, Несущий Свет, лучился своим собственным внутренним белым светом. Впереди, меж рядов пилонов, он различил медно-чёрные доспехи вражеского командира.

Еретики извлекли конструкцию из земли, и теперь она лежала, будто вырванный из десны клык. Оттар осклабился.

— Взгляните на них! — рявкнул он. — Они хотят вынуть пилоны один за другим! Глупцы! Это им не поможет! Вперёд, братья. Вперёд!

Собравшаяся позади него рота взвыла, уже предвкушая радость битвы.

Закованные в чёрные латы еретики отреагировали незамедлительно. В их сторону открыли прицельный болтерный огонь. Масс-реактивные снаряды срикошетили от края пилон. Оттар почувствовал, как несколько болтов ударило ему в нагрудник, однако Чёрные Легионеры уже отступили за толпу побрédших вперёд огринов.

Первый достигший его враг сжимал в одной руке грубую пушку, во второй — жужжащий меч. По серому нагруднику Оттара застучали цельные снаряды. Внутри шлема космодесантника зажглись предупреждающие руны, однако к тому времени его уже без остатка захлестнуло упоение охотой, поэтому он лишь оскалил клыки, и из его глотки вырвался бессловесный, полный гнева и ярости, рык.

Если огрин рассчитывал замедлить атакующего Космического Волка, то он явно прежде не сталкивался с Сыновьями Фенриса. Волк Оттара сомкнул гигантские челюсти на увитой огромными мышцами руке огрина-стража, откусив предплечье, кулак и стиснутое в нём оружие.

Огрин даже не успел прийти в ужас, прежде чем на его твёрдый лоб обрушился Несущий Свет. Со вспышкой льдисто-белой энергии топор проломил грубо склёпанный шлем, раскроив сталь, череп и мозг существа.

Огрины-стражи продолжали наступать сплошной стеной, паля из орудий-жнецов и размахивая жужжащими пилами.

Оттар устремился вперёд, ударами секиры расшвыривая во все стороны конечности, головы и кровоточащие куски тел. Волчьи всадники мчались следом за ним с яростно гудящими цепными клинками наголо, прикрывая своего вожака сзади. Космодесантники клином вошли в самую гущу врагов под темнеющим адским небом.

Не успел громовой волк Оттара бездыханным рухнуть на землю, как штурмовая аппарель «Призрака Фенриса» откинулась, и из «Лэндрейдера» со звонкими боевыми кличами на устах вырвались воины в терминаторских латах. Через считанные мгновения после того, как они сшиблись с врагами, их догнали завывающие вульфены, но тотчас понеслись дальше, разрывая в клочья огринов, еретиков и космодесантников Хаоса.

Оттар спрыгнул с погибшего волка, и, заскрежетав сочленениями силовой брони, побежал вперёд. Несущий Свет вспыхивал раз за разом, погружаясь в плоть врагов. Порабощённые существа набрасывались на него безумной приливной волной. Он убивал их так же быстро. Противники валились друг на друга, пока их тел не скопилось настолько много, что дальше Сын Фенриса уже попросту не смог идти.

Чёрные Легионеры из банды Зуфура ждали именно этого момента. Едва предводитель Космических Волков остановился, они перешли в атаку, стремительно отрезав его от следовавших за ним соратников.

Двуглавая секира не давала им подступить ближе, однако своей цели еретики добились.

Космический Волк бросился в атаку, и в этот момент кто-то выстрелил из мелта-ружья. Заряд пробил дыру в броне воителя и вышел из другой стороны в клубах шипящего пара из перегретой крови и внутренностей.

Бородатый космодесантник пошатнулся, как будто всего на миг топор стал для него неподъёмным, однако удержался на ногах. Он не упадёт, покуда дышит.

Зуфур зашагал к нему.

Его банда сделала своё дело. Выстрел из мелты убил бы большинство воинов, однако Космические Волки дрались упорнее всех, с кем ему доводилось встречаться. Его боевая броня были посечена и смята, из сочленений сочились маслянистые жидкости, а левая нога двигалась всё медленнее по мере отказа систем доспеха.

Космический Волк стянул шлем. Зуфур, впрочем, был не так глуп, чтобы поступить так же в ответ.

— Ты не сможешь вывести с планеты все пилоны! — воскликнул древний воитель. — Я — Отгар Белый, и я разорву тебе глотку! Я вырву твои кишки и примотаю тебя ими же к пилону!

Зуфур позволил космодесантнику кинуться на него с вздетой секирой. Он ушёл от первого удара, затем от второго, постепенно уводя Космического Волка всё дальше. А затем Таинственный резко поднырнул под очередной взмах и погрузил свой меч в серый нагрудник воина. Выпад был внезапным, неожиданным и смертоносным. Клинок рассёк керамитную броню Волка словно одежду. Он задребезжал у него в руке, подобно ротовым трубкам его пилота, пируя внутренностями врага.

Лицо Отгара Белого исказилось от боли и ненависти, пока меча Зуфура высасывал из него душу. Наконец, Чёрный Легионер выдернул клинок наружу, и Космический Волк рухнул замертво.

Глава пятая

Наблюдательный пункт 9983

В комнату ворвались касркины. Их панцирную броню покрывал чёрный снег. Бойцы двигались уверенно, быстро и слаженно, ни на миг не убирая пальцев со спусковых крючков.

Солдат 101-го оттеснили далеко назад. Командовавший касркинами флаг-сержант был вооружён силовым кулаком кадийской модели, то и дело озарявшимся потрескивающим синеватым светом, пока он обводил комнату суровым взглядом.

— Безопасно, — бросил он в закреплённую на груди вокс-бусину.

Внутри вбежало ещё пятеро касркинов с силовыми мечами наголо. Следом за ними вошли офицеры-штабисты и адъютанты. И, наконец, появился *он сам*.

Крид выглядел так, словно не брился несколько недель. Он казался одновременно меньшим, но более твёрдым, чем при последней их встрече, как будто его сдавило бремя командования. Его рукопожатие, впрочем, осталось таким же крепким, а взор — пронзительным.

— Майор Бендикт, многое случилось с тех пор, как мы разговаривали на платформе «Фиделитас вектор».

— Лорд-кастелян! — только и сказал Бендикт, не найдясь со словами. — Мы облажались по полной. Отсюда не было выхода...

Крид слушал его с измученным и усталым видом, после чего поднял руку.

— Не волнуйся. Таков план. Мой план, должен сказать.

Исайя запнулся на полуслове.

— Но война... Мы сидели здесь сложа руки!

— Да, я знаю, — ответил лорд-кастелян, похлопав Бендикта по руке. — Не волнуйся, скоро это изменится.

Крид заполнял собой любую комнату, в которой находился. Все присутствующие не сводили с него глаз, пока он расхаживал туда-сюда. Он был не просто их командиром. Для Кадии он стал всем: лидером, вдохновителем, надеждой. А для Бендикта ещё и пророком.

— Вы знали, что что-то намечается, — заявил командир 101-го.

Крид замер. Его глаза были воспалены, кожа под ними — потяжелевшей и обвисшей, однако внутри них ярко горел неукротимый огонь.

— Да. Но я не предвидел, какой именно будет атака. Тайроцкие поля... Что ж, враги удивили всех нас. На какое-то время. Но планы были подготовлены, даже на непредвиденный случай. И, тем не менее, битва была... — Крид помолчал, словно подбирая подходящее слово. — Тяжёлой, — наконец закончил он.

— Мы слышали, — произнёс Бендикт. — Но всё это время мы были здесь, бессильные. Всё, что мы могли — это слушать. Мы слушали, как стихают вокс-переговоры... И боялись, что всё потеряно.

Крид медленно кивнул, после чего поднёс ко рту сигару. Казалось, она погасла, но лорд-кастелян всё равно продолжал потягивать её.

— Ничего не потеряно. На самом деле, ситуация уже давно не была настолько хорошей. — Его слова изрядно удивили майора, и Крид мимолётно улыбнулся. — Мы пережили бурю. Врагу больше нечего на нас обрушить. Пришло время начинать контратаку. Чаши весов качнулись в другую сторону — Кадия готовит ответный удар. И 101-й станет его частью.

— Как?

— Твой полк полностью укомплектован?

Исайя кивнул. За три месяца до отбытия на Кадия к ним поступила полная рота белошитников.

— Более-менее.

— Это хорошо, — сказал военачальник. Его мысли явно витали где-то далеко.

— Простите меня, сэр, — быстро заговорил майор. — Но я не понимаю. Мы ждали здесь столько времени, без связи и приказов. Чем я могу помочь вам? У нас нет танков.

В глазах Крида заплясали лукавые огоньки.

— Ты ведь не знаешь, что это за место такое?

— Нет, — признался Бендикт, но решил попытать удачу. — Это не наблюдательный пункт?

Урсаркар покачал головой.

— Нет. Не наблюдательный пункт. Это — Спасение 9983.

— И что это значит?

Крид пыхнул сигарой.

— Давай-ка я тебе покажу, майор Бендикт, и тогда, думаю, ты сам всё поймёшь.

Они нашли старика в часовне за молитвой. Ривальд поднялся на ноги и обвёл взглядом собравшееся вокруг Крида отделение касркинов. Затем сложил на груди знак аквилы и отвесил поклон. Жест был простым, однако в нём чувствовалась элегантность.

— Мы благодарим вас, лорд-кастелян, за всё сделанное ради нашей планеты, — промолвил старик.

Крид кивнул, однако продолжил шагать к вырисовывающимся во тьме большим дверям.

Название, «Спасение 9983», едва просматривалось под светом далёких огней на лестничной клетке.

— Келл, — произнёс Крид, и флаг-сержант бросил на него ожидающий взгляд. — Дай мне мастер-ключ.

Лорд-кастелян принял из рук Келла длинную медную карточку и приблизился к панели-замку. Нащупав пальцами проём, он вставил в него ключ. Эффект не заставил себя ждать.

Повсюду вокруг них из амниотических, наполненных моторным маслом грёз начали пробуждаться доселе спавшие машинные духи. Вся гора загудела, пока давно бездействовавшие двигательные установки возвращались обратно к жизни. Издалека донёсся лязг и шипение оборудования, дребезжание подъёмных платформ за каменными стенами; приглушённая автоматизированная речь грузовых сервиторов; скрежетание медленно вращающихся шестерней, неспешное устойчивое жужжание гигантских запускающихся генераторов.

В дальнем конце сводчатого зала с мерцанием ожили люмополосы. Штабисты Крида с изумлением уставились на расписной потолок, всё это время скрывавшийся во мгле.

Перед ними открылось потрясающее зрелище. На фресках были изображены ранние годы Кадии, ещё до строительства первых касров, с открытыми городами широких проспектов и бульваров. Место подлинного мира и безопасности. Запечатлённый образ совершенно другой эпохи и мировоззрения.

Кадийцы озирались по сторонам с широко открытыми ртами.

— Что это за место? — восхищённо спросил Бендикт, и словно в ответ внутри двери перед ними с глухим лязгом отодвинулись засовы. Зазвенела сирена, пол под их ногами заходил ходуном, а затем громадные керамитные плиты пришли в движение. Слово «Спасение» медленно разделилось напополам, когда створки начали расходиться в ниши в толще горы. Крид, Бендикт и остальные оказались в увеличивающемся квадрате света, падающего с другой стороны обрамлённого зубцами порога.

Им в лица подул ветерок, подобный вздоху внезапно разбуженного человека. Сквозь расширяющийся

проём полился тёплый жёлтый свет. От открывшегося внутри зрелища у Бендикта перехватило дух.

Крид ухмыльнулся.

— Вот твои танки!

Майор шагнул в проём и увидел бесконечные ряды «Леманов Руссов», выкрашенных в болотную кадийскую расцветку, ни разу не использованных, свеженьких с древней производственной линии.

Бендикт огляделся. Большинство машин представляли собой основные боевые варианты, но встречалось среди них и множество куда более редких «Палачей» и «Покорителей».

Даал обошёл один из танков по кругу и постучал костяшками по закреплённым на корме топливным бакам.

— Полные! — крикнул он. Один за другим кадийцы принялись расходиться среди рядов техники. — Да они все тут полные! — удивлённо сказал флаг-сержант.

Бендикт не мог поверить своим глазам. Он вскарабкался на одну из машин и обнаружил, что люк в кабину открыт. Он заглянул внутрь, почти ожидая увидеть внизу экипаж танка, однако «Леман Русс» оказался пуст, хотя все его системы работали. Исайя бросил на Даала многозначительный взгляд, после чего залез в кабину и осмотрел пульта управления. Топливный бак полон, батареи заряжены. Он подался из кресла мехвода к тесным отсекам в кормовой части машины.

Дверца снарядного погреба отодвинулась в сторону, и внутри обнаружился полный боезапас, заботливо разложенный по своим местам. Фраг-снаряды у одной переборки, крак — возле другой. По всему залу танковые экипажи выбирали себе машины и деловито забирались внутрь. Люди хохотали, и их смех тонул в рёве запускаемых прометиевых двигателей.

Он вылез обратно наружу, соскользнул по борту вниз, и, приземлившись на пол, потрясённо огляделся. Здесь было всё, о чём могла желать — и даже мечтать — танковая рота: вспомогательные «Саламандры», «Троянцы», БРЭМ «Атлант», «Химеры» типа «Самаритянин», топливозаправщики. Вдоль стены рядами висели древние комплекты панцирной брони. Огромные склады аккуратно разложенных лазвинтовок. Батареи, зимние маскхалаты, ботинки, пояса, разгрузки, сухпайки, ранцы с отдающими затхлостью медицинскими припасами: хирургические нити, перевязочные материалы, фиалы с бледно-синей жидкостью, шприцы.

Крид похлопал его по спине.

— Счастлив?

— У меня нет слов, — сказал ему Бендикт. — Но как мы всё это вывезем?

— Не беспокойся, — заверил его лорд-кастелян. — Всё предусмотрено.

— Мы не будем вывозить их по воздуху?

— Нет. Никуда лететь не нужно.

Флаг-сержант Келл остался у двери. С каждой минутой он становился всё нетерпеливее, пока, наконец, не приставил ладонь к вокс-приёмнику в ухе.

— Генерал Крид. Вас вызывают.

Лорд-кастелян сверился с хронометром и поморщился.

— Прошу прощения, труба зовёт, — сказал он Бендикту и направился к лестнице, ведущей на посадочную площадку. По пути он не переставал говорить о сражении, боевых фронтах и командирах, которых они оба знали.

Бендикт слушал его, не перебивая. Меньше чем за минуту лифт доставил их обратно на парапетный уровень. Дверь, ведущая наружу, была открыта, и в помещение залетали крупинцы чёрного снега. «Валькирия» уже прогревала двигатели. Майор последовал за Кридом и Келлом по ступеням к выходу.

Наконец, Исаяя понял, что больше сдерживаться не может.

— Но что это за место? — выпалил он.

Какое-то время Крид молчал.

— В ранние дни Империиума Человека великие умы предвидели, что может наступить момент, вроде этого, когда мы останемся в одиночестве против всей мощи врага. Они сделали так, чтобы на Кадии всегда имелась вторая, полностью укомплектованная армия на случай, когда в ней возникнет необходимость. Это — одно из хранилищ. Кадия буквально усеяна ими.

— Ты со своим 101-м — часть резервной армии. Мы выдержали всё, что бросил на нас враг, и теперь я собираюсь послать тебя на наших противников.

С этими словами Крид нырнул наружу, и Бендикт последовал за ним на парапет.

В «Валькирии» Крида не было ничего особенного. Стандартная машина болотной кадийской расцветки, вооружённая мультилазером и двумя ракетами «Адский удар» с жёлтыми боеголовками под каждым крылом. На посадочной площадке валялся чёрный шланг, из которого накапала небольшая лужа прометия.

Самолёт только что заправили. Скрытые за масками лица пилотов подсветились зелёным сиянием приборных панелей, когда они оторвали взгляды от пультов, закончив предполётную проверку. Флаг-сержант Келл повёл офицеров по узкому парапету к взлётной площадке, сквозь ревущие ураганские ветра. Бендикт прижал каску рукой, чтобы её не сорвало случайным порывом. Боковые двери «Валькирии» были открыты. Возле спонсонных тяжёлых болтеров, укрытых в тёмные брезентовые чехлы, ожидали бортстрелки. Ординарец в простой зелёной униформе 8-го Кадийского подставил под дверь самолёта приступок. Крид, однако, проигнорировал его, вместо этого схватившись за поручень, чтобы забраться внутрь. Он встал в дверях и закричал, чтобы быть услышанным сквозь вой турбин.

— Чуть не забыл! — Лорд-кастелян достал что-то из внутреннего кармана куртки. — Держи!

Бендикт схватил плотный свёрток и прижал его к груди.

— К тебе присоединится пятнадцать полков. Примёшь над ними командование. Понял?

— Да... — начал Бендикт.

— Ударишь на юг в направлении Элизионских полей. Атакуй врага *без всякой жалости*. — Крид ухмыльнулся. — Мне пора, нужно собирать остальных. Сюда я прибыл, чтобы встретиться с тобой лично. Но не бойся, скоро мы врежём им так, что у них щёлкнут зубы!

Вой турбин стал таким громким, что слова Исайи едва в нём не утонули.

— Спасибо, сэр! Но почему именно со мной?

Крид помолчал.

— Я видел, как ты сражался на Релионе V!

Дверь «Валькирии» захлопнулась, и Бендикт внезапно остался один, наблюдая за тем, как самолёт поднимается с площадки. Пару секунд пилот боролся со встречным ветром, после чего запустил двигатели, развернул машину прочь от горы, и та быстро скрылась в темноте.

Вскоре исчезли и навигационные огни на «Валькирии» Крида.

Бендикт закрыл за собой дверь. В руке он по-прежнему сжимал свёрток, врученный ему Кридом. Исайя поднял его перед собой, гадая, что бы это могло быть. Чёрная ткань. Он раскрыл её. Золотые лампасы. Он поднял голову. Рядом был только Мере, как раз выключавший вокс-установку.

Связист заметил выражение лица майора.

— В чём дело, сэр?

Бендикт показал ему содержимое свёртка.

Мере подошёл к нему. Его глаза расширились от удивления.

— Ого! Поздравляю, сэр!

— Что это значит?

— Тут всё ясно. Он вас повысил в звании.

Крид принёс ему надежду. Бендикт держал её в сложенных ладонях, защищая от бури. Он направился было к лестнице, но Мере остановил его.

— Вам следует прикрепить их, генерал.

Бендикт почувствовал себя полным идиотом.

— Давайте помогу, — предложил связист, и, аккуратно сняв майорские эполеты, закрепил на их месте уже генеральские знаки различия. — Вот, — сказал он и протянул Бендикту красную ленту, чтобы перебросить ему через плечо, но Исайя лишь рассмеялся.

— Хватит тратить время. Нас ждёт работа.

Спустя час экипажи 101-го Кадийского бронетанкового полка выбрали и назвали свои машины, и уже ждали в полной боевой готовности.

«Палач» Бендикта покатился вперёд, спускаясь по широким аппарелям, что зигзагами тянулись до самых корней горы, а следом за ним по трое в ряд шли остальные машины полка, направляясь к замаскированному проходу.

Генерал Бендикт стоял в куполе танка. На его груди красовалась красная перевязь с золотой завязкой, а

по всем каналам транслировалось единственное обращение. «Враги думали, что сбили нас с ног, — думал он, — Но Кадия поднялась снова».

Сражения выигрывают люди, которые отказываются сдаваться.

Источник — [https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Кадия_стоит_/_Cadia_Standс_\(роман\)&oldid=20650](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Кадия_стоит_/_Cadia_Standс_(роман)&oldid=20650)

Эта страница в последний раз была отредактирована 1 августа 2022 в 11:06.